13
229

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ

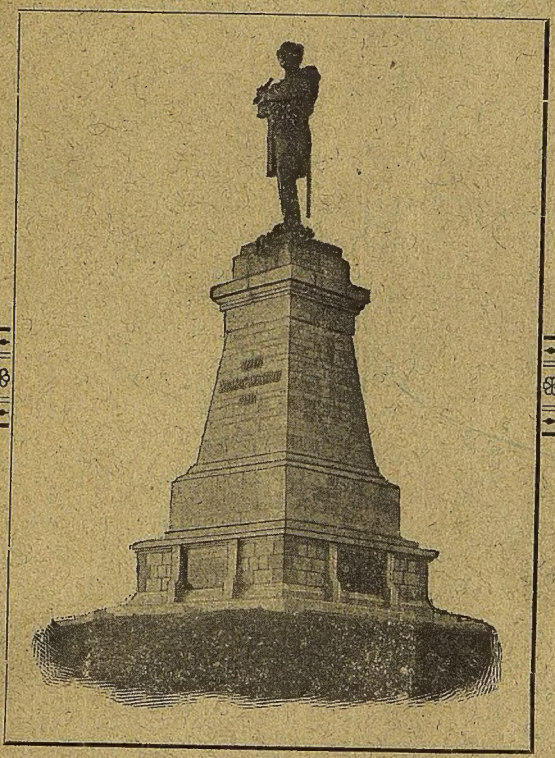
обозначенного здесь срока

13
229

У(54.3)
К-93.

Для безплатной раздачи.

КО ДНЮ
ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ
ПРИСОЕДИНЕНІЯ ПРИАМУРЬЯ.
(1858—1908).



Изданіе Хабаровскаго Городского Общественнаго Управленія.

Хабаровскъ.
Типографія Товарищества „Пріамурье".
1908.

9(57)
К 93
13 229
Куртеев, К.К и В.П. Маргаритов.

Къ пятидесятилѣтнему

ЮБИЛЕЮ

18593/м

присоединенія Приамурья.

1858—1908.

940.

Изданіе Хабаровскаго Городского Общественнаго Управленія для безплатной раздачи населенію.

Общество изучения Амурского края Дальнего Востока

Г. Хабаровскъ
Типографія Товарищества «Пріамурье»
1908 г.

И.

тидесятилѣтняго юбилея присоединенія Приамурскаго края, 17 мая, вр. и. д. приамурскаго генералъ-губернатора, командующаго войсками и наказнаго атамана Амурскаго и Уссурійскаго казачьихъ войскъ генералъ-лейтенантъ Мартосъ удостоился, по сообщенію «Русск. Инв.», получить отъ Государя Императора слѣдующую телеграму:

Хабаровскъ.

Исправляющему должность приамурскаго генералъ-губернатора генералъ-лейтенанту Мартосу.

«Сердечно благодарю населеніе Приамурскаго края, казаковъ и войска за ихъ молитвы и выраженныя Мнѣ чувства. Вмѣстѣ съ ними твердо вѣрю въ быстрое и славное развитіе дорогой нашей приамурской окраины. Жизнь ея дѣйствительно близка Моему сердцу. Увѣренъ, что всѣ ея доблестные сыны помогутъ Мнѣ въ царственныхъ Моихъ заботахъ быстро достичь благоденствія и силы родной далекой окраины могущественной Россіи.

НИКОЛАЙ».

Телеграма эта послужила отвѣтомъ на всеподданнѣйшую телеграму генерала Мартоса, которая была составлена въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Наша далекая Приамурская окраина, празднуя сегодня пятидесятую годовщину присоединенія ея къ русской державѣ и вступая въ новую эпоху, прежде всего, помнитъ и мыслитъ о Вашемъ, Государь, благоденствіи. Край помнитъ посѣщеніе его Вашимъ Величествомъ въ 1891 году и всѣ благодѣянія Ваши для него и знаетъ, что далекій—онъ все-таки близокъ Вашему сердцу. Въ этомъ все населеніе черпаетъ увѣренность, что окраина будетъ быстро идти впередъ по пути культурнаго развитія и станетъ надежнымъ и мощнымъ оплотомъ Россіи на Дальнемъ Востокѣ. Ваше Величество, сегодня съ особенно торжественнымъ и искреннимъ настроеніемъ, населеніе края, казаки и войска, возносятъ горячія молитвы къ Всевышнему о здравіи и долгоденствіи своего обожаемаго Монарха, повергаютъ предъ Вами, Государь, вѣрноподданническія чувства и пожеланія Вашему Императорскому Величеству благополучнаго царствованія на долгіе годы на славу дорогой намъ всѣмъ родины.

И. д. приамурскаго генералъ-губернатора генералъ-лейтенантъ Мартосъ.

9(57.3)
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
83/905 VV

Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!

Такими словами отцы церкви вложили въ сердца русскаго народа идею, породившую въ немъ мысль и убѣжденіе, что борьба съ язычниками, если она можетъ способствовать распространенію христіанства, не только не противна ученіямъ вѣры, но и поддерживается всемогущею силою Самаго Бога.

Съ одной стороны эта идея, всосавшаяся въ плоть и кровь русской націи со дня ея младенчества, а съ другой та вражда, которая волей неволей возродилась подъ гнетомъ татарскаго ига, нашли себѣ плодотворную почву въ природныхъ качествахъ и свойствахъ, присущихъ славянскому племени, и выработали въ концѣ концевъ изъ сыновъ его такое поколѣніе, которое, съ распятіемъ Христа на груди и съ мечомъ въ рукахъ, начало свое поступательное движеніе на Востокъ, т. е. туда, откудова цѣлыя орды язычниковъ не разъ грозили поглотить всю Европу, а съ нею и всю цивилизацію, основанную на идеяхъ Христіанскаго ученія. Только многотерпѣливая Русь спасла Европу отъ этой гибели; только ея мощная грудь выдержала волну язычества и, съ отливомъ ея, вполнѣ естественно, начался стихійный потокъ русской силы на востокъ.

«Разумѣйте языцы и покоряйтеся»—и дѣйствительно, мы видимъ, что прошла какая нибудь сотня—другая лѣтъ послѣ сверженія татарскаго ига, какъ мордва, чуваши, башкиры и прочіе языцы сѣверо-востока Европы, какъ враги и супостаты, покорились подъ нози вождя христіанскихъ народовъ, русскаго царя и, слившись съ ними, впослѣдствіе вступили въ ихъ ряды для дальнѣйшаго пути.

Казалось бы, что такая естественная преграда, какъ Уральскій хребетъ, долженъ былъ бы преградить дальнѣйшій путь русскимъ, но не такова натура Русско-Славянскаго народа, чтобы задуматься надъ такой ничтожной преградой; широкій размахъ и удаль молодецкая беретъ верхъ надъ всѣми помыслами души и заставляютъ русскую вольницу покидать мирную и спокойную жизнь и двигаться дальше за Уралъ.

Къ тому времени и эпосъ народный, слагаясь подъ вліяніемъ пылкаго воображенія, присущаго Славянскому племени, рисуетъ все далекое и все невѣдомое въ такихъ фантастическихъ образахъ и краскахъ, отъ которыхъ волей неволей меркнетъ все мирное обыденное и страсти удали разгораются.

«Съ нами Богъ»—и какая нибудь горсть храброй вольницы, подъ командою удалого Ермака переходитъ Уралъ и тамъ среди полчищъ татаръ силою оружія и во имя Бога водворяютъ свое владычество несмотря на большое превосходство язычниковъ. Проходятъ дни и годы, изъ нихъ слагаются вѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мощь русская все болѣе и болѣе укрѣпляется въ предѣлахъ Азіи, осваивается съ окружающей средой и снова движется все далѣе и далѣе на востокъ. Для огражденія въ борьбѣ съ окружающими народами основываются сначала остроги, которые затѣмъ, съ наплывомъ промышленнаго и торговаго люда, превращаются въ села и города, а сіи послѣдніе, съ переходомъ ихъ во власть правительства, возводятся въ цѣлыя воеводства. Такъ были основаны и съ такимъ постепеннымъ превращеніемъ закрѣплены за русскимъ правительствомъ сначала Тобольскъ, затѣмъ Енисейскъ, далѣе Красноярскъ, Канскъ и другія мѣстности, нынѣ входящія въ составъ губерній и областей западной и восточной Сибири.

Въ виду дикихъ скалъ бурнаго Байкала прямое движеніе русскихъ на востокъ на нѣкоторое время какъ бы задерживается, и первоначальная волна его, пользуясь естественными путями большихъ

рѣкъ, направляется нѣсколько на сѣверъ и тамъ среди глухой тайги и глубокихъ снѣговъ русскіе основываютъ воеводство Якутское, послужившее опорнымъ пунктомъ для дальнѣйшаго движенія въ глубь невѣдомыхъ странъ.

Но и предъ Байкаломъ движеніе русскихъ остановилось не надолго. Проходятъ два-три поколѣнія и выработавшійся на мѣстѣ изъ русскаго казака сибирякъ, сохранившій традиціи отцовъ, смѣло переходитъ Байкалъ и послѣ многолѣтней борьбы съ мѣстными кочующими племенами монгольской расы, твердо основываетъ свое владычество въ предѣлахъ Забайкалья, двигаясь все дальше и дальше къ верховьямъ рѣкъ, текущихъ прямо на востокъ

Среди постепенныхъ скитаній по тайгѣ и при частыхъ и близкихъ сношеніяхъ съ мѣстными инородцами, какъ въ Якутскомъ воеводствѣ, такъ равно и въ Забайкальѣ до слуха русской вольницы дошло въ началѣ XVII столѣтія впервые магическое слово «Эмуръ-хэ».

Эмуръ-хе, что значитъ черная рѣка, передѣланное потомъ въ «Амуръ рѣку» вскорѣ-же завладѣло вниманіемъ русскихъ, а стоустая молва, передавая слухи о привольи и богатствахъ этой рѣки, все болѣе и болѣе возбуждали удаль молодецкую и разжигала страсти торговыхъ людей.

Прежде чѣмъ говорить о вступленіи русскихъ въ предѣлы р. Амура, скажемъ нѣсколько словъ о движеніи русскихъ къ Беринговому морю и объ основаніи Охотско-Камчатскаго края, которому впослѣдствіи довелось сыграть видную роль въ дѣлѣ водворенія русскихъ въ Приамурскомъ краѣ.

Изъ Якутскаго воеводства казаки проплли на рѣку Калыму и, подъ начальствомъ Сталухина, основали Нижне-Колымское зимовье. послужившее спорнымъ пунктомъ для распространенія русскаго владычества въ землѣ Чукчей и по бассейн рѣки Анадыра.

При этомъ поступательномъ движеніи, казаки, дойдя до береговъ моря, не остановились и предъ

этою преградою. Строили лодки, изъ которыхъ болѣе большія назывались кочами и, насколько позволяло гостепріимство береговъ, шли вдоль ихъ все далѣе и далѣе. Обширность занятыхъ странъ требовала для закрѣпленія ихъ за русскими большихъ силъ; мѣстныхъ уроженцевъ не хватало, вслѣдствіе чего якутскіе воеводы вызывали служилыхъ людей изъ Енисейска; тѣ, страдая тѣмъ же, въ свою очередь, обращались за подкрѣпленіемъ въ Тобольскъ, за Уралъ и даже въ Москву. Вмѣстѣ съ служилыми шли по доброй волѣ и вообще искатели приключеній, шли купцы, прельщаемые слухами о неистощимыхъ богатствахъ, получаемыхъ съ пушного звѣря.

Пришлый элементъ частью зачислялся въ составъ казаковъ, а частью входилъ въ разрядъ промышленниковъ, торговцевъ, изъ которыхъ болѣе состоятельные и предпріимчивые вступали въ соглашеніе съ партіями казаковъ и, преслѣдуя свои коммерческія цѣли, шли съ ними рука объ руку, покоряя инородцевъ то силою, то путемъ ласковыхъ договоровъ.

Одна изъ такихъ партій воиновъ-промышленниковъ, снаряженная торговцемъ Федотомъ Алексѣевымъ на 7 кочахъ вышла подъ начальствомъ С. Дежнева изъ устья р. Колымы и направилась на востокъ вдоль береговъ Ледовитаго океана.

Начальникъ этой партіи С. Дежневъ былъ одинъ изъ участниковъ Стодухина и въ числѣ первыхъ познакомившійся съ однимъ изъ воинственныхъ племенъ сѣверо-востока, съ Чукчами.

Безспорно, первое знакомство казаковъ было заведено съ Чукчами Анадырскими. Отъ нихъ казаки узнали нѣкоторыя подробности о теченіи большой рѣки, объ ея впаденіи въ Великій океанъ и о томъ, что къ устью этой рѣки можно проплыть по Ледовитому океану. Казаки, дойдя до моря, волей неволей должны были познакомиться съ этою могучею и, въ тоже время капризною стихіею. Мало по малу они научились вести борьбу съ нимъ, а

затѣмъ и пользоваться имъ какъ самымъ выгоднымъ путемъ сообщенія. Первая попытка Дежнева была неудачна; суровая погода и льды заставили путниковъ вернуться назадъ. Но удаль казацкая не остановилась предъ первою неудачею; и вотъ С. Дежневъ, какъ сказано выше, становится во главѣ промышленной партіи, снаряженной Алексѣевымъ, и въ 1648 году, на 7 кочахъ, выходитъ изъ устья Колымы, рѣшившись на этотъ разъ не уступать капризамъ грознаго моря.

До какой степени доходила эта рѣшимость, видно изъ того, что, не смотря на гибель въ скоромъ же времени 4-хъ кочъ, Дежневъ съ Алексѣевымъ продолжаютъ путь далѣе, мѣстами высаживаются на берегъ, ведутъ торговлю и одерживаютъ нѣсколько побѣдъ при схваткахъ съ Чукчами. Въ сентябрѣ того же года достигаютъ сѣверо-восточной оконечности Азіи, проходятъ проливъ, отдѣляющій этотъ материкъ отъ Америки, и, вѣроятно, попавъ въ теченіе, уносятся далѣе на югъ, къ берегамъ тогда еще невѣдомой Камчатки.

Къ этому времени изъ флотиліи Дежнева оставалось только два коча; на одномъ командовалъ самъ Дежневъ, а на другомъ Алексѣевъ съ Анкудиновымъ, пересѣвшимъ къ нему послѣ крушенія послѣдняго изъ погибшихъ кочъ.

Въ Олюорской губѣ, въ предѣлахъ уже Камчатки, новая сильная буря разлучаетъ и эти два коча, при чемъ Алексѣевъ уносится еще дальше къ берегамъ Камчатки и тамъ погибаетъ безъ вѣсти, тогда какъ Дежневъ выбрасывается на берегъ и во главѣ 25 казаковъ проходитъ берегомъ къ устью Анадыра. Въ 1649 году Дежневъ поднимается вверхъ по Анадыру и, примѣрно, верстахъ въ 800 отъ устья закладываетъ Анадырскій острогъ, гдѣ въ 1650 году встрѣчаетъ казаковъ подъ командою Муторы, пришедшаго туда изъ Колымы сухимъ путемъ чрезъ тайгу и горы.

Анадырскій острогъ, послѣ Якутскаго, является первымъ опорнымъ пунктомъ, изъ котораго, въ те-

ченіе почти цѣлаго столѣтія, казаки ведутъ борьбу съ сосѣдними народами и чрезъ который направляется длинный и въ тоже время главный путь движенія Русскихъ въ Чукотскую землю и на Камчатку.

Такимъ образомъ, заслуга С. Дежнева, въ честь котораго нынѣ заложенъ въ Хабаровскѣ памятникъ, состоятъ въ слѣдующемъ: 1) въ фактическомъ открытіи пролива между Азіею и Америкой, на что впослѣдствіи, столѣтіе спустя, было затрачено столько силъ и энергіи и, что обезсмертило мореплавателя Беринга; 2) въ основаніи Анадырскаго острога, имѣвшаго въ свое время большое значеніе въ покореніи народовъ далекаго сѣверо-востока, и въ 3) хотя не въ прямомъ, но въ косьвенномъ вліяніи на открытіе полуострова Камчатки. Завоеваніе этого полуострова принадлежитъ Владиміру Атласову, который въ 1697 году во главѣ 60 казаковъ, вышелъ изъ Анадырскаго острога и, пройдя большую часть полуострова, основалъ Верхне-Камчатскій острогъ.

Одновременно съ походомъ русскихъ изъ Якутска къ Ледовитому океану и далѣе на востокъ изъ того же воеводства снаряжаются партіи и направляются частью къ верховьямъ р. Анадыря и частью къ западнымъ берегамъ Охотскаго моря, гдѣ подъ командою сначала Москвина и затѣмъ Шелковникова основываютъ охотское зимовье, преобразованное впослѣдствіи въ охотскій портъ. Это первый портъ русскихъ въ водахъ Тихаго Океана, гдѣ впослѣдствіи, по мысли Петра Великаго, строились мѣстными средствами морскія суда, давшія возможность окончательно утвердится на Камчатскомъ полуостровѣ, объясаченномъ къ тому времени Атласовымъ и послѣдующими выходцами изъ Анадырскаго острога.

Тобольскъ, Енисейскъ, Иркутскъ, Якутскъ и Охотскъ—вотъ главные пункты, чрезъ которые, по слѣдамъ казачьей вольницы русское правительство, безъ затратъ казны, проложило торную дорогу къ

берегамъ Великаго Океана и здѣсь, основавъ къ концу XVIII столѣтія въ Камчаткѣ Петропавловскій Портъ, вступило въ ряды всемірной дѣятельности всѣхъ народовъ стараго и новаго свѣта.

Вскорѣ послѣ основанія Шелковниковымъ Охотскаго Зимовья, охотники и торговые люди начали спускаться вдоль берега къ югу и здѣсь, въ свою очередь, какъ и Якутскіе жители, получили отъ инородцевъ слухи о большомъ водномъ бассейнѣ, называемомъ «Эмуръ-хэ».

Такимъ образомъ въ половинѣ XVII-го столѣтія слово «Эмуръ-хэ», передѣланное въ Амуръ-рѣку стало извѣстнымъ для русскихъ не только на западѣ въ Забайкальѣ и на сѣверѣ въ Якутскомъ воеводствѣ, но и на востокѣ—по берегамъ Охотскаго моря. Оставалось только, чтобы стихійное стремленіе русскихъ къ этому водному бассейну перешло изъ области слуховъ въ болѣе конкретную фазу ознакомленія съ нимъ. Ожидался лишь предпріимчивый вождь, который рѣшился бы проникнуть въ эту баснословную рѣку, и таковой явился въ лицѣ казака Пояркова.

Поярковъ былъ современникъ Дежнева и когда этотъ предпринималъ свой походъ по Сѣверо-Ледовитому океану къ устью Анадыра, Поярковъ снарядилъ въ 1643 г. въ Якутскѣ экспедицію, поднялся съ нею по р. Алдану, перешелъ Становой хребетъ и въ 1644 году по р. Зеѣ спустился въ Амуръ. Находясь во главѣ отряда вольницы, не цривышающей 100 человѣкъ, Поярковъ, гдѣ словами, а гдѣ и оружіемъ прокладываетъ себѣ путь среди дючеръ, дауръ, гиляковъ, и другихъ инородцевъ, населявшихъ берега Амура, и на лодкахъ, взятыхъ частью у тѣхъ же инородцевъ, спускается до самаго устья этой рѣки. Съ устья Амура, за недостаткомъ служилыхъ людей (около 60 челов.),оставшихся въ цѣлости, Поярковъ не рискнулъ подняться вверхъ, а рѣшился искать обратнаго пути въ Якутскъ отъ береговъ моря, въ которое вливается Амуръ. Въ концѣ 1646 года на лодкахъ со всею своею дружиною

онъ достигаетъ устья р. Ульи, гдѣ въ то время, какъ онъ и догадывался, было уже основано товарищами его Москвинымъ и Шелковниковымъ Охотское зимовье. Такимъ образомъ изъ русскихъ Поярковъ былъ первымъ, который любовался всѣми красотами и величіемъ Амура, но въ тоже время и первымъ испытавшимъ массу невзгодъ отъ дикой природы этой рѣки. Онъ проплылъ большую и самую многоводную часть его и доставленныя имъ свѣдѣнія, безспорно, возбудили большой интересъ среди Якутскаго воеводства.

И дѣйствительно, спустя три года, жившій въ Якутскѣ вологодскій выходецъ Ерофей Хабаровъ, съ дозволенія Якутскаго воеводы. прельщенный слухами о богатствахъ Амура, набираетъ дружину изъ охотниковъ, и слѣдуя, примѣрно, тѣми же путями какъ и Поярковь, проходитъ въ Амуръ къ устью Зеи и отсюда не спускается внизъ, а подымается вверхъ по теченію его, основываетъ сначала Куморскій острожекъ, и затѣмъ, въ 1650 году, кладетъ основаніе знаменитому въ послѣдствіи своей осадою Албазинскому острогу.

Примѣрно къ тому же времени русскіе проникаютъ на Амуръ и черезъ Забайкалье, гдѣ, основавши нѣсколько остроговъ, они въ 1658 году, подъ командою воеводы Пашкова, основываютъ на берегахъ Шилки Нерчинскій острогъ и отсюдова направляютъ цѣлый рядъ экспедицій для закладки мелкихъ острожковъ и для сбора ясака съ мѣстныхъ инородцевъ.

Къ этому времени слухи о дѣяніяхъ якутскихъ и забайкальскихъ выходцевъ на Амуръ, подкрѣпленные, по всей вѣроятности, ясачнымъ приношеніемъ цѣнной пушнины, достигли до Московскаго правительства, рѣшившагося въ концѣ концовъ послать для окончательнаго завоеванія новаго края 3000-е войско. Хотя это намѣреніе, къ сожалѣнію, и небыло приведено въ исполненіе, но тѣмъ не менѣе въ 1652 году изъ Москвы былъ посланъ на Амуръ дворянинъ Зиновьевъ для принятія во власть правительства отъ

Хабарова Албазинскаго острога, предполагавшагося къ преобразованію въ воеводство. Хабаровъ, воспитавшійся въ свободной удали казацкой, не могъ поладить съ москвичемъ Зиновьевымъ и, уступая ему, какъ представителю царской власти, оставилъ свою дружину и возвратился въ Якутскъ. Зиновьевъ, оставляя Амуръ и возвращаясь въ Москву, начальствованіе надъ Албазинскимъ острогомъ передалъ Степанову. Степановъ 6 лѣтъ управлялъ этою частью Амура; возобновилъ и поддерживалъ сосѣдніе острожки, собиралъ съ инородцевъ ясакъ и предпринималъ небольшіе походы, какъ вверхъ, такъ и внизъ по теченію рѣки. Въ одномъ изъ такихъ походовъ Степановъ посѣтилъ устья Сунгари, но здѣсь ему пришлось столкнуться съ неизвѣстнымъ ему до этого маньчжурскимъ народомъ, болѣе стойкимъ и сильнымъ, чѣмъ объясаченные имъ инородцы.

Къ этому времени, какъ видно, и до маньчжуръ дошло извѣстіе, что на Амурѣ, протекающемъ въ предѣлахъ ихъ владѣній, появились изъ далекихъ странъ русскіе и подчинили себѣ тѣхъ инородцевъ, покорность которыхъ Китайскому правительству считалась само собою очевидною. Столкновеніе съ маньчжурами кончилось тѣмъ, что Степановъ въ 1658 году, вступивъ въ бой съ 8-ми тысячнымъ войскомъ маньчжуровъ, палъ со всѣмъ своимъ отрядомъ. Этимъ столкновеніемъ маньчжуры не ограничились и начали готовиться къ дальнѣйшимъ вытѣсненіямъ русскихъ.

Въ то же время Пекинскій дворъ, дабы урегулировать отношенія маньчжуръ съ русскими, вошелъ въ сношеніе съ Москвою, указавъ при этомъ на своевольный захватъ Амура отрядами казаковъ. Русское Правительство, хотя и находило дѣйствія казаковъ своевольными, но тѣмъ не менѣе рѣшилось оказать поддержку амурскимъ казакамъ, для чего преобразовало Албазинскій острогъ въ воеводство и, снабдивъ его небольшимъ гарнизономъ служилыхъ людей и тремя пушками, назначило воеводою Толбузина, обезсмертившаго себя двухкратною за-

щитою первыхъ русскихъ владѣній на Амурѣ отъ вторженія маньчжурскихъ войскъ.

Въ 1685 году маньчжуры прибыли къ Албазину съ 15 тысячами войска и артиллеріей. Толбузинъ, съ отрядомъ въ 450 человѣкъ, попытался вступить въ бой, но уступая численности, отошелъ отъ Албазина и направился въ Нерчинскъ, а Албазинъ немедленно былъ разрушенъ маньчжурами. Но едва Толбузинъ прибылъ въ Нерчинскъ, какъ получилъ приказаніе снова идти туда и защищать владѣнія русскихъ. Въ помощь ему былъ назначенъ сотникъ Бейтонъ съ 200 казаковъ. Возвратившись на Амуръ, Толбузинъ возстановилъ Албазинъ и, насколько позволили средства, вновь укрѣпилъ его. Ровно черезъ годъ 10 тысячное войско маньчжуръ вновь осадило Албазинъ. Толбозинъ съ горстью своихъ храбрецовъ около года выдерживалъ осаду, но въ концѣ концовъ погибъ въ неравной борьбѣ.

Начавшіеся вслѣдъ за симъ дипломатическіе переговоры съ Пекиномъ убѣдили русское правительство, что безъ означенія точныхъ границъ между обѣими государствами, трудно вести борьбу за обладаніе той или другой частью Амура, самовольно занятаго вольностью казачьей. Поэтому оно обратилось въ Пекинъ съ предложеніемъ о назначеніи уполномоченныхъ для мирнаго рѣшенія вопроса о границѣ. Мѣстомъ для переговоровъ былъ назначенъ Нерчинскій острогъ, куда и явились китайскіе уполномоченные съ 10000-мъ войскомъ. Послѣ долгихъ споровъ, уступая силѣ, 27 августа 1689 года русскій уполномоченный окольничій Головинъ подписалъ Нерчинскій договоръ, по которому Амуръ остался за Китаемъ, а границею обоихъ государствъ была назначена р. Горбица, а далѣе на сѣверъ— Становой Хребетъ.

Такъ кончились первыя попытки русскаго правительства утвердиться на берегахъ Амура. Неудача, конечно, кроется въ томъ, что въ то время у русскихъ кромѣ удали казачьей не было другой силы на Амурѣ, а доставить таковую изъ центра Рос-

сіи, по дальности разстоянія и трудности пути, не представлялось никакой возможности.

Послѣ Нерчинскаго трактата, хотя всякое офиціальное поползновеніе на обладаніе Амуромъ и закончилось само собою, но тѣмъ не менѣе пограничные съ Амуромъ казаки никогда не прекращали своихъ сношеній съ инородцами, ведя съ ними торговлю и временами вступая въ открытую борьбу.

Амуръ, отошедшій по Нерчинскому договору къ Китаю, хотя и не представлялъ изъ себя въ то время особаго политическаго интереса, но тѣмъ не менѣе русское правительство, вслѣдствіе трудности Охотско-Камчатскаго пути для сношенія съ Тихимъ океаномъ, не покидало надежды на возвращеніе этой рѣки исключительно для сплава по ней провіанта и грузовъ для Камчатскаго порта. Вслѣдствіе этого, пользуясь неоднократными инцидентами, возникавшими между казаками и маньчжурами въ предѣлахъ Амура, Московскій Дворъ нѣсколько разъ старался добиться согласія Китая на пропускъ русскихъ сплавныхъ судовъ по Амуру, но каждый разъ получалъ отказъ, и русскіе, боясь какихъ либо конфликтовъ на отдаленной отъ Москвы окраинѣ, не настаивали на этомъ и ограничивались въ своихъ сношеніяхъ съ Тихимъ океаномъ долгимъ и тяжелымъ путемъ чрезъ Охотскъ.

Такъ шло дѣло объ Амурѣ въ теченіе всего XVIII столѣтія, пока проникновенные умы западно-европейскихъ государствъ не начали интересоваться дальневосточными берегами Тихаго океана. Сначала небольшія отдѣльныя суда искателей торговыхъ приключеній начали появляться въ этихъ водахъ, затѣмъ слѣдовали мореплаватели-географы и цѣлыя научныя экспедиціи, стремившіеся все дальше и дальше расширить кругъ своихъ знаній, а вслѣдъ за симъ мы видимъ и военные корабли, какъ въ одиночку, такъ и цѣлыми эскадрами начали появляться у береговъ мирныхъ и дремлющихъ сыновъ Восточной Азіи.

Не отставала, или лучше сказать, стремилась не

отстать, отъ Западно-Европейскихъ государствъ и Россія. Особенно, когда во главѣ ея сталъ геніальный преобразователь Петръ Великій, который, отправляя наказы въ Охотско-Камчатскій край, всегда дѣлалъ указанія о необходимости «провѣдать тамошнія землицы и съ жителями оныхъ вступать въ торговыя дѣла». По иниціативѣ и по почину его снаряжается цѣлый рядъ экспедицій, которыя въ началѣ для плаванія въ этихъ водахъ пользовались судами, снаряженными въ Охотскомъ портѣ, а затѣмъ подобныя экспедиціи посылались въ Тихій океанъ и на большихъ судахъ кругомъ свѣта. Западно-Европейскія государства не особенно церемонились съ мѣстными народами и, предугадывая большую дѣятельность для своего коммерческаго флота въ этихъ водахъ, не пропускали случая захватить въ свои владѣнія болѣе или менѣе удобныя для мореплаванія гавани и обосновывали тамъ свои колоніи и морскія стоянки. Русскіе сначала не предвидѣли всѣхъ выгодъ, къ которымъ, очевидно, стремились другіе европейцы, и, завлавѣвъ обширнымъ, но дикимъ и негостепріимнымъ сѣверо-восточнымъ концомъ Азіи, въ теченіе многихъ лѣтъ не распространяли своего вліянія на югъ, а довольствовались лишь тѣмъ, что имъ досталось по наслѣдству отъ вольности казачьей. Но современемъ, когда дѣятельность европейцевъ въ водахъ Тихаго океана начала развиваться все больше и больше, и среди русскихъ государственныхъ людей начали возникать мысли о необходимости владѣнія Амуромъ и особенно его устьемъ. Мысли эти были единичныя и совершенно не имѣли никакого вліянія на рѣшимость правительства, которое, будучи занято ближайшими европейскими дѣлами и едва справляясь съ ними, рѣшительно шло противъ всякихъ попытокъ къ насильственному захвату Амура, такъ какъ боялось какихъ либо осложненій съ Китаемъ.

Вопросъ о необходимости для Россіи занятія Амура, побуждаемый главнымъ образомъ неудобствами сношеній съ Камчаткою, къ началу XIX сто-

лѣтія мало по малу перешелъ уже въ настоятельную необходимость и требовалъ особой заботы правительства. Вслѣдствіе этого, въ 1803 году, когда, вся Западная Европа была занята своими внутренними дѣлами, Россія назначаетъ въ Японію посланника Рязанова и, назначивъ для отправленія его два морскихъ судна, подъ командою Крузенштерна, поручаетъ сему послѣднему описать берега Татарскаго пролива, а также изслѣдовать Сахалинъ и устье Амура. Крузенштернъ, исполнивъ всѣ порученія, данныя ему по отношенію къ Японіи, пошелъ въ Татарскій проливъ и, подходя къ сѣверной оконечности его, сталъ замѣчать постепенное уменьшеніе глубины моря. Выше залива Декастри онъ поднялся до того предѣла, гдѣ глубина моря была не болѣе 4 саженъ, что для судовъ того времени являлось серьезнымъ препятствіемъ къ дальнѣйшему слѣдованію. Не давъ себѣ труда произвести дальнѣйшее изслѣдованіе на мелкихъ гребныхъ судахъ и принявъ во вниманіе подобныя же изслѣдованія его предшественниковъ мореплавателей Лаперуза и Брутона, Крузенштернъ сдѣлалъ заключеніе, что восточный берегъ Татарскаго пролива принадлежитъ не острову, а полуострову Сахалину и что устье Амура, если онъ и вливается въ море нѣсколько сѣвернѣе его стоянки, то во всякомъ случаѣ оно для морскихъ судовъ по мелководью недоступно.

Не знаю, дѣлать ли за такія ошибочныя свѣдѣнія укоръ Крузенштерну, или русскому потомству слѣдуетъ благодарить его, такъ какъ вопросъ объ устье Амура, рѣшенный имъ въ такомъ именно смыслѣ, оказалъ впослѣдствіи большую услугу какъ вообще русскому государству, такъ въ особенности русскому флоту.

Отечественная война и связанные съ ней интересы всей Европы ослабляютъ на нѣкоторое время дѣятельность европейцевъ въ водахъ Тихаго океана; но только что невзгоды этой войны уменьшились, какъ воды этого океана еще съ большею интенсивностью начинаютъ испытывать наплывъ европейцевъ.

[9]Къ этому времени прежніе острожки, остроги и воеводства, созданные когда то русско-казацкой вольницею, превратились въ цѣлыя губерніи и области и составили Восточно-Сибирское Генералъ Губернаторство, во главѣ съ высокопоставленнымъ лицомъ и со всѣми аттрибутами, присвоенными этой власти. Въ 1828 году однимъ изъ первыхъ генералъ-губернаторовъ въ Сибири—Лавинскимъ былъ вновь поднятъ вопросъ объ Амурѣ и о необходимости снарядить спеціальную экспедицію для изслѣдованія устья его. Несомнѣнно, что для всякаго правителя, близко ознакомившагося съ положеніемъ дѣла Восточной Сибири становилось очевиднымъ, что для Россіи безъ обладанія Амуромъ нельзя создать прочнаго и вліятельнаго положенія на Тихомъ океанѣ. Къ сожалѣнію кругозоръ тогдашнихъ политиковъ не былъ настолько широкъ, чтобы отдать должное вниманіе заявленію Лавинскаго и гласъ его остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Между тѣмъ иностранцы не дремали и, завладѣвъ въ силу своей настойчивости, нѣсколькими портами Китая, отвлекли значительную часть торговли съ этимъ многомилліоннымъ населеніемъ къ морю, подорвавъ ее въ значительной степени по сухопутной границѣ, гдѣ для Россіи большое торговое значеніе имѣлъ городъ Маймачинъ и слобода Кяхта. Только это обстоятельство, какъ фактъ уже совершившійся и бьющій по карману, заставилъ русское правительство болѣе глубже посмотрѣть въ суть дѣла и навело его на мысль снова обратить вниманіе на Амуръ, какъ на желательный для Россіи путь къ Тихому океану Вслѣдствіе этого, учрежденная за нѣсколько времени до этого Россійско-Американская торговая кампанія, получившая отъ казны солидную субсидію, обязывалась, согласно Высочайшему повелѣнію 1844 г., предоставить въ распоряженіе правительства особое судно для изслѣдованія устья Амура. Въ маѣ 1846 года бригъ «Константинъ», подъ командою штурмана Гаврилова направился къ устью Амура съ сѣвера и хотя до-

шелъ до мыса Чныррахъ, но, за неподготовленностью къ подобнаго рода работамъ, не только не разсѣялъ тог озаблужденія, который внесъ въ амурскій вопросъ Крузенштернъ, но еще болѣе затемнилъ его, не давъ никакого рѣшительнаго отвѣта на вопросъ о доступности для морскихъ судовъ устья Амура. Такія неудачныя попытки съ одной стороны, съ другой—боязнь вступить въ какой либо нежелательный конфликтъ съ правительствомъ Китая, вызвали, въ концѣ концовъ, даже Высочайшее повелѣніе, гласившее «вопросъ объ Амурѣ, какъ рѣкѣ безполезной оставить навсегда».

Въ силу такого повелѣнія вопросъ объ Амурѣ могъ бы остаться навсегда въ неразрѣшенномъ видѣ въ ущербъ интересамъ русскаго государства, если бы не энергичная дѣятельность назначеннаго въ 1847 году на постъ сибирскаго генералъ-губернатора Н. Н. Муравьева, отличавшагося дальновидностью политика и душою и тѣломъ преданнаго заботамъ о пользѣ своего отечества и славѣ русскаго народа. Дѣятельность, обезсмертившая имя Муравьева и давшая ему титулъ графа Амурскаго, къ счастью нашла себѣ единственное подспорье въ обстоятельствахъ времени, вызванныхъ возгорѣвщеюся въ то время войною англо-французовъ сначала съ Китаемъ, а затѣмъ съ русскими подъ Севастополемъ.

Личность графа Муравьева-Амурскаго, какъ свѣточъ свѣтившійся среди всѣхъ сановниковъ царствованія Николая I, соединяла въ себѣ всѣ качества государственнаго мужа, идущаго ради пользы дѣла къ цѣли не по предписаніямъ случайнаго начальства, а по указаніямъ духа времени и согласно прирожденнымъ побужденіямъ народа, выразившаго въ лицѣ Муравьева, какъ въ своемъ героѣ, свое вѣковое стремленіе.

Вѣковое движеніе русскихъ на востокъ и завоеваніе ими всей Сибири, столь блестяще законченное присоединеніемъ амурскаго края, есть эпоха; личности же Муравьева и его ближайшаго сотрудника Невельского, а равно какъ и личности Ермака,

Государственная публичная историческая библиотека

Дежнева и пр. есть только народомъ созданные герои, въ лицѣ которыхъ выразилось стремленіе этой эпохи.

Экономическая и политическая борьба западныхъ европейцевъ въ водахъ Тихаго океана, перешедшая къ концу 40 годовъ въ военныя дѣйствія англичанъ противъ китайцевъ, оказала большую услугу Муравьеву во первыхъ тѣмъ, что отвлекала вниманіе Китая отъ пустынныхъ береговъ Амура и Татарскаго пролива, сосредоточивъ всю ихъ дѣятельность въ предѣлахъ Желтаго и Китайскаго морей, во вторыхъ тѣмъ, что она обнаружила далеко незавидныя качества китайцевъ въ военномъ отношеніи, а слѣдовательно возбудила въ Муравьевѣ увѣренность въ возможность дать отпоръ китайцамъ, если дѣло дойдетъ до оружія, и въ третьихъ борьба эта дала Муравьеву много конкретныхъ фактовъ, которыми онъ, несмотря на всѣ противодѣйствія министровъ, могъ доказать, что настойчивое домогательство къ овладѣнію Амуромъ не вызоветъ никакихъ осложненій съ Китаемъ и въ то время присоединеніе этой рѣки весьма важно для Россіи въ политическомъ отношеніи. Взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства и хорошо ознакомившись со всей перепиской объ Амурѣ, Муравьевъ, будучи еще въ Петербургѣ, познакомился съ капитаномъ флота Невельскимъ и, высказавъ ему свой взглядъ на амурскій вопросъ, нашелъ въ немъ пылкаго и энергичнаго помощника въ задуманномъ дѣлѣ. Певельской жилъ въ Петербургѣ въ ожиданіи окончанія постройки судна «Байкалъ», на которомъ ему, въ качествѣ командира, предстояло доставить провіантъ и казенный грузъ въ Петропавловскій портъ въ Камчаткѣ. Весною 1849 года Невельской прибылъ въ Петропавловскъ, сдалъ казенный грузъ и на личный страхъ и отвѣтственность, надѣясь на одну лишь поддержку Муравьева, пошелъ къ сѣверной оконечности Сахалина, а оттуда съ тщательнымъ промѣромъ и изслѣдованіемъ прошелъ въ устье Амура и на югъ въ Татарскій проливъ.

ГРАФЪ

Николай Николаевичъ

Муравьевъ-Амурскій.

Правда, Невельской имѣлъ официальное распоряженіе побывать въ предѣлахъ сѣвернаго Сахалина, но не выходя изъ функцій, предоставленныхъ бывшей тамъ русско-американской торговой компаніи, и отнюдь не приступая къ какимъ либо промѣрамъ и вообще къ фактическимъ изслѣдованіямъ устья Амура.

Въ это время Муравьевъ, объѣзжая Высочайше ввѣренный ему край, прибылъ въ Охотскъ и на суднѣ «Иртышъ» Россійско-Американской компаніи перешелъ въ Камчатку. Осмотрѣвъ эту окраину и намѣтивъ ее къ преобразованію въ область, онъ на возвратномъ пути направился въ портъ Аянъ, зорко слѣдя и вездѣ распрашивая объ участи «Байкала». Первыя извѣстія были не утѣшительными, даже зарождалось предположеніе о возможности гибели его. Скорбя душой и будучи не въ состояніи оставить этотъ край. не зная объ участи и результатахъ «Байкала», Муравьевъ противъ маршрута задерживается въ Аянѣ. Какова же радость была этого истиннаго патріота, когда онъ, думая уже покинуть Аянъ, увидалъ «Байкала», входящимъ на рейдъ. Не дожидаясь остановки «Байкалъ» и вопреки всякаго служебнаго этикета, садится въ первую попавшуюся лодку и быстро подплываетъ къ борту давно ожидаемаго гостя. Первыя слова, которыми Невельской обмѣнялся съ Муравьевымъ, были—Сахалинъ островъ, устье Амура доступно для морскихъ судовъ и узкая часть пролива между берегомъ и Сахалиномъ имѣетъ 5 саж. глубины. Нѣтъ сомнѣнія, что встрѣча этихъ двухъ борцовъ за патріотическую идею была преисполнена глубокою радостью. Муравьевъ въ это время помимо обязанностей Генералъ-Губернатора считался и главнымъ начальникомъ русскаго флота въ водахъ Тихаго океана Пользуясь этимъ правомъ, онъ командируетъ Невельского сухимъ путемъ съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ въ Петербургъ, куда вслѣдъ засимъ направляется и самъ, а для наблюденія и дальнѣйшихъ разслѣдованій этихъ водъ оставлятъ одного изъ служащихъ въ русско-американской компаніи Орлова.

Извѣщеніе Муравьева объ открытіяхъ Невельского возбудило среди правящихъ сферъ большое неудовольствіе, которое, безспорно, положило бы предѣлъ дальнѣйшей дѣятельности его въ этомъ направленіи, если бы Муравьевъ не поѣхалъ самъ лично въ Петербургъ и тамъ, предъ лицомъ Государя, не защитилъ бы его отъ нападковъ морского начальства. Защитивъ Невельского, Муравьевъ тѣмъ самымъ спасъ дальнѣйшую судьбу амурскаго вопроса.

Обласканный словами Муравьева и не зная еще, что ему готовятъ ближайшіе къ дѣлу министры, Невельской возвратился въ Охотское море и какъ только замѣтилъ весною 1850 года, что въ предѣлахъ его изслѣдованій начали появляться иностранныя суда и стараются проникнуть въ устье Амура, самовольно входитъ въ Амуръ, подымается до селенія Тыръ, и, слѣдуя примѣру прежнихъ казаковъ, объявляетъ аборигенамъ страны, что отнынѣ они поступаютъ подъ защиту и покровительство русскаго Государя. Затѣмъ, избравши мѣстомъ своей стоянки мысъ Куегду, (гдѣ нынѣ Ныловое), 1-го августа 1850 г. въ присутствіи толпы инородцевъ, при салютѣ изъ небольшой пушки и 6 ружей, поднимаетъ русскій флагъ и объявляетъ, что отнынѣ устье Амура, Сахалинъ и прибрежье Татарскаго пролива входятъ въ составъ россійской державы и неприкосновенность ихъ будетъ ограждаться военной силой.

Постъ этотъ Невельской назвалъ въ честь Государя Николаевскимъ, изъ котораго впослѣдствіи возникъ городъ и портъ Николаевскъ. Это новое извѣстіе о дѣяніяхъ Невельского, съ восторгомъ полученное Муравьевымъ и препровожденное въ Петербургъ, вызвало тамъ взрывъ негодованія и собранный совѣтъ министровъ постановилъ предать Невельского военному суду, какъ человѣка вреднаго, толкающаго свою родину къ неминуемой опасности. Муравьевъ, хорошо зная враждебное къ себѣ отношеніе большинства министровъ и крайне неодобрительный ихъ взглядъ на дѣло Амура, и на этотъ разъ самъ поѣхалъ въ Петербургъ съ однимъ лишь

упованіемъ на самого Государя и только надѣясь на поддержду великаго князя Константина Николаевича и на содѣйствіе министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго. Въ Петербургѣ Муравьевъ добился личнаго доклада Государю и силою своего ума и пыломъ патріотическаго чувства опровергнулъ предъ лицомъ Его Величества всѣ доводы совѣта министровъ, обрекшихъ Невельского къ суровому наказанію и намѣревавшияся погубить все дѣло объ Амурѣ. Послѣ этого доклада Государь наградилъ какъ Муравьева, такъ и Невельского, а совѣту министровъ послалъ краткую, но многознаменательную резолюцію: «разъ гдѣ поднятъ русскій флагъ, онъ опускаться не долженъ».

Такъ русскій народъ шелъ и достигалъ береговъ Амура, такъ старался онъ проникнуть въ него съ трехъ сторонъ и такъ, наконецъ, занятіе его санкціонировано державною волею русскаго Царя, несмотря ни на какія препятствія какъ со стороны природы, такъ и со стороны тогдашнихъ правящихъ сферъ и благодаря только энергіи и рѣшимости народныхъ героевъ, длинный рядъ которыхъ начался Ермакомъ и кончился Муравьевымъ-Амурскимъ съ ближайшимъ сподвижникомъ Невельскимъ.

Но водруженіемъ флага на мысѣ Куегду далеко еще не разрѣшился вопросъ о присоединеніи къ русскому государству всего Амура и странъ, омываемыхъ бассейномъ этой рѣки. Необходимо было занятіе его продолжить по всему его теченію и такъ или иначе добиться согласія Китая на это занятіе. Вотъ тутъ-то Муравьевъ вновь проявляетъ всю свою энергію и умъ и черезъ восемь лѣтъ непрерывнаго труда преподноситъ русскому Монарху на утвержденіе Айгунскій трактатъ, по которому все пространство, занимаемое нынѣ Приамурскимъ краемъ, закрѣпляется, съ согласія Китая, за русскимъ государствомъ.

Муравьевъ, какъ только достигъ оправданія дѣятельности Невельского на устьѣ Амура, на что ему пришлось употребить времени не менѣе года,

такъ тотчасъ задумалъ и приступилъ къ детальной разработкѣ вопроса о доставкѣ необходимаго продовольствія и припасовъ для камчатскаго порта по Амуру, какъ по наиболѣе удобному и кратчайшему пути. Этотъ вопросъ, какъ и всѣ предыдущіе, не прошелъ безъ препятствій и всевозможныхъ придирокъ со стороны петербургскихъ властей. Не говоря уже о томъ, что ему не давали на это дѣло никакихъ средствъ, эту его затѣю, какъ опасную для государства, поставили въ полную зависимость отъ согласія Китая, для чего и посланъ былъ оффиціальный запросъ въ Пекинъ. Муравьевъ хорошо зналъ, что переговоры, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія и при всегдашней склонности китайскаго правительства къ промедленіямъ, могутъ затянуться на цѣлые годы, а потому, чтобы не пропустить дорогого времени, онъ немедленно приступилъ прежде всего къ заготовкѣ сплавочныхъ судовъ мѣстными средствами и силами.

Дѣятельность Муравьева, какъ главнаго начальника Сибири, хотя и сопровождалась мѣрами строгими и на первое время даже карательными, но какъ только всѣ, начиная съ ссыльныхъ и кончая высшими чинами управленія, убѣдились въ плодотворности его работъ и распоряженій, какъ только всѣмъ стало ясно, что брошенная на произволъ судьбы Сибирь стала оживать подъ твердымъ и умѣлымъ его управленіемъ, всѣ прониклись, желаніями своего начальника и начали стремиться чтобы принести какую нибудь лепту и оказать услугу задуманному Муравьевымъ дѣлу. Вся страна, находившаяся долгое время въ спячкѣ и представлявшая изъ себя арену для наживы только немногихъ пронырливыхъ людей, сразу оживилась и всѣ слились во единую съ Муравьевымъ работу. Даже купечество, произволу котораго Муравьевъ сразу же положилъ предѣлъ, въ концѣ концевъ убѣдилось, что и для коммерческаго дѣла старанія Муравьева могутъ дать значительныя выгоды. Вотъ почему Муравьевъ, хотя ему и не удалось получить денежную поддержку

со стороны правительства, но будучи окруженъ во всѣхъ слояхъ населенія лицами, ему сочувствующими, нашелъ мѣстныя средства, давшія ему возможность создать первую амурскую флотилію, состоящую не только изъ паромовъ, лодокъ, баркасовъ и пр, но и одного, 60-ти сильнаго парохода, названнаго «Аргунь», сдѣланнаго на Петровскомъ и Шилкинскомъ заводахъ на 100 т. р., пожертвованныхъ купцомъ Кузнецовымъ. Въ то время на столько все населеніе вошло въ единодушное содѣйствіе своему генералъ-губернатору, что не только купцы жертвовали на амурское дѣло, но даже бѣдная казачка однажды принесла Муравьеву фунтъ сальныхъ свѣчей и просила принять ихъ для нуждъ отправлявшихся на Амуръ казаковъ.

Первый сплавъ на Амуръ былъ назначенъ раннею весною 1854 года и къ этому времени приказано было приготовить все, что требовалось. Судя по перепискѣ Муравьева съ его приближенными, видно, что онъ самъ лично дѣлалъ распоряженія не только о доставкѣ и погрузкѣ пушекъ, пороха, войскъ и пр., но даже такія подробности, какъ распредѣленіе груза по баркасамъ, снабженіе ихъ прислугой и необходимыми снастями, не ускользали отъ его вниманія и не оставались безъ должныхъ указаній. Желающихъ плыть съ Муравьевымъ по Амуру и, если возможно будетъ, остаться тамъ на жительство, сказалось очень много, но на этотъ разъ Муравьевъ имѣлъ въ виду сплавить по Амуру только то, что требовалось для укомплектованія войскъ и ихъ продовольствія для камчатскаго гарнизона и стоящей тамъ флотиліи. Этимъ дѣломъ тѣмъ болѣе слѣдовало спѣшить, что разрывъ Россіи съ Англіей и Франціей ожидался со дня на день.

Весной 1854 г. Мурлвьевъ прибылъ къ Шилкинскому заводу и съ чувствомъ особаго удовольствія увидѣлъ на Шилкѣ готовой къ отплытію цѣлую вереницу сплавныхъ судовъ съ пароходомъ «Аргунью» во главѣ. Днемъ отплытія былъ назначенъ 14-е мая. Никогда, говоритъ лѣтописецъ, не было въ Забай-

кальѣ такого торжественнаго дня, какъ 14 мая, день проводовъ Муравьева.

Ровно въ полдень, при чудной весенней погодѣ, флотилія тронулась, имѣя впереди легкую гребную лодку подъ флагомъ генералъ-губернатора Муравьева. Черезъ два дня флотилія подошла къ сліянію Шилки съ Аргунью и вступила въ воды Амура. Первымъ дѣломъ Муравьевъ зачерпнулъ стаканъ амурской воды и провозгласилъ тостъ за дальнѣйшій успѣхъ дѣла на пользу русскаго государства и во славу русскаго Царя. Долгое и громовое «ура» русскихъ богатырей было отвѣтомъ на этотъ тостъ и грозно огласило пустынные берега Амура.

Остановившись на короткое время у Албазина для воздаянія посмертныхъ почестей прежнимъ борцамъ за амурское дѣло, Муравьевъ черезъ 2 недѣли прибылъ къ устью Зеи и здѣсь, въ виду китайскаго города Айгуна, гдѣ жила вся администрація по управленію этимъ краемъ, Муравьевъ свои сношенія съ айгунскими властями облекъ въ форму скорѣе требовательную, чѣмъ просительную. Онъ послалъ сказать айгунскому амбаню, что онъ, по распоряженію своего правительства, плыветъ къ устью Амура для защиты его отъ вторженія англичанъ и что объ этомъ давно уже увѣдомлено китайское правительство, отъ котораго, быть можетъ, и нѣтъ еще увѣдомленія, но тѣмъ не менѣе дальнѣйшаго своего плаванія онъ остановить не можетъ и проситъ амбаня не только не противодѣйствовать этому, но даже оказать содѣйствіе. Айгунскіе правители не получивъ дѣйствительно никакого распоряженія изъ Пекина и будучи застигнуты въ расплохъ, на столько были озадачены такимъ заявленіемъ, что не только не оказали сопротивленія, но даже приняли всѣ мѣры къ скорѣйшему проплытію муравьевской флотиліи мимо Айгуна. Спѣша далѣе къ устью, Муравьевъ не остановился даже и при устьѣ Уссури, гдѣ впослѣдствіи суждено было красоваться его памятнику, и поплылъ дальше, стараясь скорѣе достигнуть устья Амура.

Къ этому времени дѣятельность Невельского, состоящаго во главѣ особой, учрежденной для устья Амура, правительственной экспедиціи, выразилась подробными изслѣдованіями и описаніемъ какъ всего низовья Амура (болѣе чѣмъ на 300 верстъ въ верхъ отъ устья), такъ равно и береговъ Татарскаго пролива. Присланное ему Муравьевымъ въ 1853 г. Высочайшее разрѣшеніе о занятіи Сахалина и нѣкоторыхъ близъ лежащихъ пунктовъ, развязало ему руки и онъ, обошедши на томъ же транспортѣ «Байкалъ» весь берегъ Сахалина и материка до 49° широты, вездѣ, гдѣ находилъ нужнымъ, поднималъ русскій флагъ и оставлялъ небольшіе военные посты. Такъ были заняты Императорская гавань и заливъ Декастри и учреждены въ 1-й постъ Константиновскій, а въ послѣднемъ Александровскій. Точно также были учреждены посты: на Сахалинѣ Ильинскій и Муравьевскій, а на Амурѣ, въ 300-хъ верстахъ отъ устья, Маріинскій, расположенный въ томъ мѣстѣ, гдѣ Амуръ, благодаря протокѣ и озеру Кизи, ближе всего примыкаетъ своими водами къ водамъ Татарскаго пролива въ заливѣ Декастри.

14 іюня, т. е. ровно черезъ мѣсяцъ по выходѣ изъ Шилкинскаго завода, Муравьевъ прибылъ въ Маріинскій постъ, гдѣ его встрѣтилъ съ подробнымъ рапортомъ Невельской и доложилъ, что въ заливѣ Декастри, находящемся въ 20 верстахъ отъ оз. Кизи, стоятъ суда нашей флотиліи «Двина», «Иртышъ», «Байкалъ» и «Востокъ» и что въ Декастри можно съ удобствомъ погрузить на эти суда все, что привезено съ Шилки и предназначено для Петропавловскаго порта. Кромѣ того Невельской доложилъ Муравьеву, что главный начальникъ русскихъ судовъ ,адмиралъ графъ Путятинъ находится съ фрегатомъ «Паллада» въ Императорской гавани, открытой за два года передъ тѣмъ лейтенантомъ Башнякомъ, и что эта гавань, по мнѣнію адмирала, наиболѣе пригодна для защиты русскихъ судовъ, если имъ придется отражать нападеніе непріятеля.

Окинувъ проницательнымъ окомъ все окружающее и взвѣсивъ все, что доложилъ ему Невельской, Муравьевъ распорядился о перевозкѣ изъ Маріинска въ Декастри прибывшихъ съ нимъ войскъ и необходимыхъ припасовъ, для погрузки всего этого на суда и отправки ихъ въ Петропавловскъ. Когда все это было исполнено, Муравьевъ на шхунѣ «Востокъ» отправился въ Императорскую гавань и, осмотрѣвъ ее, убѣдилъ Путятина, что при слабости русской флотиліи борьба съ непріятелемъ здѣсь невозможна и что устье Амура въ этомъ отношеніи представляетъ гораздо больше удобствъ. Послѣ этого адмиралъ Путятинъ на фрегатѣ «Паллада» ушелъ въ Декастри и тамъ, пересѣвъ на фрегатъ «Діану», ушелъ въ Японію, гдѣ этотъ лучшій изъ русскихъ кораблей и погибъ во время землетресенія, не принесши никакой пользы въ борьбѣ съ англо-французской эскадрой.

Возвратившись снова въ Декастри, Муравьевъ оставилъ тамъ стрѣлковую команду и далъ ей подробную инструкцію относительно отраженія непріятеля, если онъ начнетъ высаживать десантъ, а самъ на той же шхунѣ «Востокъ» прослѣдовалъ къ устью Амура и здѣсь, предугадывая возможность нападенія англичанъ и французовъ, ведшихъ въ то время ожесточенную войну съ Россіей въ предѣлахъ Европы, провелъ все почти лѣто, дѣлая необходимыя распоряженія и укрѣпленія на случай прихода непріятеля. 18 августа, т. е. только за нѣсколько дней до нападенія англо-французскаго флота на Петропавловскъ, Муравьевъ не ожидая такого нападенія уходитъ въ Аянъ, а оттуда сухимъ путемъ возвращается въ Иркутскъ.

24 августа 1854 года, въ самый разгаръ севастопольской войны, противники наши англичане и французы, пользуясь превосходными силами своей тихоокеанской эскадры, дѣлаютъ нападеніе на Петропавловскій портъ въ Камчаткѣ, гдѣ въ то время было нѣсколько береговыхъ укрѣпленій и три небольшихъ военныхъ судна, доставившихъ сюда не

задолго передъ тѣмъ 350 человѣкъ команды и воинскіе припасы, посланные Муравьевымъ изъ Декастри. Нападеніе это, столь доблестно отбитое камчатскимъ гарнизономъ подъ командою адмирала Завойки, заняло одну изъ лучшихъ страницъ исторіи русскаго воинства и описано уже многими авторами. Не станемъ сообщать подробности этого дѣла, а скажемъ только, что раннею весною 1855 года Завойко получилъ секретную инструкцію Муравьева и, слѣдуя ея указаніямъ, оставилъ Петропавловскій портъ и, на бывшихъ въ его распоряженіи судахъ, почти въ виду непріятеля, шедшаго для вторичнаго нападенія на Петропавловскъ, прошелъ вокругъ Сахалина въ заливъ Декастри, а затѣмъ окончательно скрылся въ устьѣ Амура, захвативъ съ собою одинъ американскій бригъ и японскую шхуну, на которыхъ, едва успѣвшихъ ускользнуть отъ взора непріятеля, пришелъ сюда адмиралъ Путятинъ и большая часть команды корабля «Діаны», погибшаго на одномъ изъ рейдовъ Японіи во время бывшаго тамъ землетрясенія.

Такимъ образомъ, русскія военныя суда, избѣжавшія гибели отъ неравносильнаго боя съ непріятелемъ, всецѣло обязаны этимъ спасеніемъ заслугамъ Невельского, давшаго имъ удобное убѣжище въ устьѣ Амура и тѣмъ самымъ доказавшаго, что его работы 1851 года, не только опротестованныя тогдашними министрами, но и едва не приведшія его на скамью подсудимыхъ, сослужили для русскаго государства такую услугу, которая обезсмертила имя какъ его, такъ и ближайшаго его руководителя Муравьева, и воздала должное возмездіе и оцѣнку всѣхъ его противниковъ, стоявшихъ, въ то время, къ сожалѣнію, у кормила правленія

Доблестное отраженіе англо-французовъ въ Петропавловскѣ, совершившееся 4 дня спустя послѣ отбытія Муравьева изъ Аяна въ Иркутскъ, было получено имъ съ особымъ интересомъ, возбудившимъ въ немъ и его сподвижникахъ еще большую энергію въ дальнѣйшемъ устройствѣ дѣлъ

амурскихъ. Обстоятельства дѣла ясно свидѣтельствовали, что англо-французы, если и отошли отъ Петропавловска, то не надолго, и съ будущей весной ихъ нужно было ожидать еще съ большими силами, чѣмъ они были на этотъ разъ. Муравьевъ это ясно предвидѣлъ и былъ убѣжденъ, что дальнѣйшее сопротивленіе камчатскаго гарнизона будетъ невозможно, а потому пославъ, какъ уже сказано выше, секретное предписаніе Завойкѣ весною оставить Петропавловскъ и перейти въ устье Амура, онъ со своейственной ему энергіей и настойчивостью принялся за приготовленіе къ второму сплаву войскъ и припасовъ по Амуру. Вся зима 1854—55 года прошла въ непрестанныхъ заботахъ и хлопотахъ по этому дѣлу. Работали и войска, работали и частные люди. Муравьевъ самъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ на Шилку и здѣсь ободрялъ и воодушевлялъ какъ рабочихъ, такъ и ближайшихъ своихъ сподвижниковъ. Частые запросы и дипломатическія грамоты, приходившіе къ нему изъ Петербурга и Пекина, только возбуждали въ немъ энергію и увѣренность, что китайское правительство боится русскихъ и выставляемые имъ суды и пересуды объ Амурѣ есть не болѣе ни менѣе, какъ желаніе затянуть дѣло на долгіе годы. Убѣдившись въ этомъ и взявъ себѣ за правило: съ китайцами не церемониться и быть настойчивымъ, онъ рѣшилъ предстоящій второй сплавъ соорганизовать еще въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ первый, и на этотъ разъ взять съ собой не только войска и припасы для укомплектованія воинскихъ частей на устьѣ Амура, но и переселенцевъ—казаковъ для насажденія постовъ по лѣвому берегу Амура и 450 душъ крестьянъ для образованія пригородныхъ селеній близъ Николаевска. Для удобства этотъ сплавъ Муравьевъ раздѣлилъ на три рейса; съ первымъ, подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ, должно было идти все то, что необходимо было доставить къ устью Амура въ виду ожидавшихся военныхъ дѣйствій и судовъ, которыя должны были, по его разсчету,

весною прибыть туда изъ Петропавловска. Слѣдующіе два рейса должны были доставить все остальное и по пути занять нѣсколько пунктовъ для новоселовъ. Все это было Муравьевымъ предусмотрѣно и разсчитано, и на все это съ мельчайшими подробностями даны имъ инструкціи ближайшимъ помощникамъ. Съ китайцами на этотъ разъ Муравьевъ совершенно не церемонился и присланнымъ къ нему уполномоченнымъ отъ китайскаго правительства заявилъ, что теперь, въ виду военныхъ дѣйствій, ему нѣтъ времени входить въ подробныя и окончательныя соглашенія, а проситъ только оставить неприкосновеннымъ все то, что уже занято имъ для Россіи, и не препятствовать дальнѣйшему занятію лѣваго берега Амура небольшими казачьими постами, необходимыми для установки почтоваго сообщенія Забайкалья съ устьемъ Амура, гдѣ твердою ногою стоятъ теперь защитники не только интересовъ Россіи, но и интересовъ дружественнаго ей Китая. Послѣ такой постановки вопроса, айгунская администрація не только не препятствовала нашимъ казакамъ піонерамъ распоряжаться на лѣвомъ берегу Амура, но временами даже оказывала содѣйствіе къ ихъ устройству тамъ.

Весною 1855 года, едва Завойко со своимъ скромнымъ флотомъ успѣлъ прибыть изъ Петропавловска въ Декастри, Муравьевъ съ своей флотиліей появился въ устье Амура и принялъ все руководительство въ свои руки. По его распоряженію, всѣ суда, намѣревавшіяся по первому плану укрѣпиться и подготовиться къ защитѣ у мыса Лазарева, были немедленно переведены къ Николаевску, за исключеніемъ ветхаго и глубокосидящаго «Паллады», которая была отведена въ Императорскую гавань и тамъ затоплена. Двухкратное появленіе непріятельской эскадры у Декастри и его попытки высадить десантъ закончились полнымъ неуспѣхомъ, благодаря команды стрѣлковъ, охранявшихъ Декастринскій постъ. Послѣ этого непріятельскій флотъ еще разъ появлялся въ портахъ Охотскаго

моря и, не найдя тамъ русскихъ судовъ, рѣшилъ, что онѣ гдѣ либо затоплены или сожжены, и отплылъ въ южныя широты.

Послѣ этого Муравьевъ еще долго оставался въ предѣлахъ устья Амура, руководилъ постройками какъ въ Николаевскѣ, такъ равно и водвореніемъ первыхъ переселенцевъ, прибывшихъ вторымъ сплавомъ подъ руководствомъ князя Волконскаго и основавшихъ первыя пять селеній—Михайловское, Богородское, Ново-Михайловское, Сергіевское и Иркутское. Эти селенія, оставленныя въ завѣдываніе адмиралу Завойкѣ, на правахъ военнаго губернатора, положили начало будущей Приморской области. Невельской, награжденный чиномъ контръ-адмирала, получивъ назначеніе на должность начальника штаба въ Иркутскѣ, оставилъ послѣ этого открытое и обставленное имъ устье Амура.

Во время этого пребыванія Муравьева въ Николаевскѣ, когда шла кипучая работа по укрѣпленію порта, къ нему пришли уполномоченные китайскимъ правительствомъ чиновники и начали переговоры объ амурскихъ границахъ между Китаемъ и Россіей. Когда Муравьевъ замѣтилъ, что китайцы снова намѣрены возвратиться къ Нерчинскому договору, по которому границею должна служить рѣка Горбица и Становой хребетъ, то сказался больнымъ и поручилъ вести переговоры контръ-адмиралу Завойко, чрезъ котораго и указалъ китайцамъ, что о возвратѣ къ Нерчинскому договору не можетъ быть и рѣчи и что для Россіи необходимо владѣть всѣмъ лѣвымъ берегомъ Амура и всѣмъ пространствомъ между рѣкою Уссури и побережьемъ Татарскаго пролива. Хотя такого условія, предъявленнаго имъ въ сентябрѣ 1855 года, китайцы и не подписали, но тѣмъ не менѣе для нихъ ясно стало, что Муравьевъ готовъ силою оружія защищать свои требованія. Такъ они и донесли своему правительству.

Графъ Путятинъ и его свита, укрывшіеся въ Николаевскѣ отъ преслѣдованій непріятеля, тотчасъ

же послѣ военныхъ дѣйствій, воспользовавшись небольшимъ рѣчнымъ пароходикомъ «Надежда», отплыли вверхъ по Амуру въ Забайкалье, Муравьевъ же, не имѣя другого парохода («Аргунь» по малосильности своей не могъ выгребать противъ теченія, а пароходъ «Шилка», вновь выстроенный ко второму сплаву, сѣлъ на мель выше устья Зеи, и въ Николаевскъ не приходилъ), принужденъ былъ возвратиться въ Иркутскъ чрезъ Аянъ.

Послѣ того, какъ военныя осложненія съ англо-французами мало по малу улеглись и когда начался цѣлый рядъ дипломатическихъ сношеній о результатахъ этой войны, всѣ заботы Муравьева по отношенію къ Амуру были направлены къ тому, чтобы какъ можно увеличить заселеніе лѣваго берега Амура и установить безпрерывное плаваніе русскихъ по этому водному пути. Въ этихъ заботахъ и работахъ прошли 1856 и 57 годы и все дѣло было направлено къ тому, чтобы показать китайцамъ, что фактическое занятіе Амура русскими само собой совершилось и что выдвореніе ихъ оттула не можетъ состояться безъ нарушенія дружескихъ отношеній, которыя для Китая, при постоянныхъ стѣсненіяхъ со стороны западныхъ европейцевъ, болѣе чѣмъ необходимы.

Бывшій въ то время въ Пекинѣ начальникомъ миссіи арх. Палладій, обладавшій большимъ дипломатическимъ тактомъ и хорошо изучившій бытъ Китая во всѣхъ отношеніяхъ, неоднократно писалъ какъ въ Петербургъ, такъ и Муравьеву, что китайское правительство настолько поглощено заботами объ огражденіи отъ европейцевъ своихъ прибрежныхъ густонаселенныхъ владѣній и въ то же время настолько опасается за сохраненіе власти правящей династіи отъ внутреннихъ смутъ, что такія отдаленныя и пустынныя мѣста, какъ Амуръ и прибрежье Татарскаго проливъ, рѣшительно потеряли въ его глазахъ всякій интересъ. Если же пекинскіе дипломаты и давали себѣ трудъ отписываться на запросы

русскаго правительства по поводу амурскихъ границъ, то исключительно ради того, чтобы затянуть рѣшеніе вопроса на долгіе годы. Что же касается посылки значительныхъ войскъ къ берегамъ Амура, то этого, заключаетъ Палладій, не только нѣтъ въ мысляхъ китайцевъ, но даже если бы и было, то никакъ не могутъ сдѣлать по слабости своихъ силъ и осложненій на югѣ. Муравьевъ и самъ предугадывалъ подобное положеніе вещей, а потому и всѣ старанія прилагалъ къ тому, чтобы скорѣе фактически водвориться на всемъ протяженіи Амура.

Англичане въ то время стремились занять выгодныя прибрежныя мѣста не только въ Китаѣ, но и хотѣли пріобрѣсти одну изъ гаваней сѣверной Японіи, дабы имѣть возможность оказывать свое вліяніе на дальне восточную политику русскихъ. Какъ только это стало ясно, русское правительство отправило въ Пекинъ графа Путятина съ особыми уполномочіями относительно установленія окончательныхъ границъ въ Амурскомъ краѣ. Посольство это кончилось ничѣмъ. Китайцы не допустили Путятина въ Пекинъ и сообщили, что по ихъ законамъ подобные переговоры должны вестись на границѣ имперіи и при этомъ указали, что границы эти давно уже установлены по р. Горбицѣ и Становому хребту, что же касается занятыхъ Муравьевымъ пунктовъ по Амуру и берегамъ Татарскаго пролива, то на это дѣло они смотрятъ, какъ на мѣру временную, вызванную обстоятельствами военнаго времени. Русское правительство, по настоянію Муравьева, отвѣтило въ Пекинъ, что не Горбица и Становой хребетъ должны теперь считаться границею, а тѣ пункты, которые были указаны Муравьевымъ въ сентябрѣ 1855 года и противъ которыхъ китайскіе уполномоченные, присланные къ нему въ Николаевскъ, тогда не возражали; если же тогда и не былъ окончательно установленъ договоръ, то только потому, что Муравьевъ былъ боленъ и занятъ обороною устьевъ Амура отъ англичанъ и французовъ, которые могли бы проникнуть въ эту

рѣку въ явный ущербъ интересовъ не только Россіи, но и самаго Китая.

Пока велись эти переговоры, которые въ концѣ концевъ закончились въ 1858 году согласіемъ пекинскаго двора послать въ Айгунъ своихъ уполномоченныхъ для заключенія окончательнаго договора, Муравьевъ въ теченіе двухъ лѣтъ, не ослабляя энергіи, велъ свою работу по заселенію Амура и по средоточенію тамъ регулярныхъ войскъ. Въ эти годы подъ непосредственнымъ управленіемъ военнаго губернатора Забайкальской области Корсакова и при участіи заступившаго въ Николаевскѣ мѣсто Завойки Казакевича велись постоянные сплавы казаковъ съ ихъ семьями и домообзаводствомъ. За 1856 и 57 годы было переселено на Амуръ до 4000 душъ казаковъ, которые размѣстились вдоль лѣваго берега Амура и нижняго теченія Уссури, обозначивъ своими первоначальными стойбищами тѣ станицы и поселки, изъ которыхъ многіе остаются и до настоящаго времени. При опредѣленіи мѣстъ подъ поселеніе, принимались въ разсчетъ не только природныя угодья, но и стратегическое ихъ значеніе. Имѣлось въ виду и то, чтобы первоначальныя поселенія отстояли другъ отъ друга въ болѣе или менѣе равномѣрномъ разстояніи, дабы, пользуясь ими, можно было установить правильное почтовое сообщеніе между Забайкальемъ и устьемъ Амура.

Когда, такимъ образомъ, заселеніе Амура съ каждымъ годомъ начало разростаться, явилась необходимость въ созданіи какой либо административной единицы для управленія этимъ населеніемъ. Вслѣдствіе этого, хотя окончательнаго закрѣпленія Амура за Россіея еще и не было, была учреждена въ 1856 году Приморская область, съ подчиненіемъ ея на правахъ военнаго губернатора главному командиру военныхъ судовъ, находящихся въ Николаевскѣ. Завойко, такъ блестяще отразившій англо-французовъ и обнаруживший большія административныя способности по управленію Камчатскою областью, къ сожалѣнію, вскорѣ же покинулъ Амуръ, а вмѣсто его,

первымъ военнымъ губернаторомъ вновь учрежденной Приморской области, былъ назначенъ адмиралъ Казакевичъ, принимавшій до этого времени главное участіе въ снаряженіи сплавной и паровой флотиліи по Амуру.

Увѣдомленіе о согласіи китайскаго правительства послать уполномоченнаго въ Айгунъ для заключенія договора получилось въ началѣ 1858 г. Муравьевъ, сообразивъ всѣ обсоятельства дѣла и получивъ Высочайшее разрѣшеніе вести это дѣло самому, послалъ въ Пекинъ увѣдомленіе, что онъ прибудетъ въ Айгунъ въ началѣ мая и къ этому сроку просилъ прислать туда и китайскаго уполномоченнаго. Сплавъ, который на этотъ разъ долженъ былъ идти съ Муравьевымъ къ Айгуну, состоялъ не только изъ однихъ лодокъ и баркасовъ, но и изъ двухъ вооруженныхъ пароходовъ и съ достаточнымъ количествомъ конвоя изъ казаковъ.

Пославъ предварительно въ Айгунъ курьера съ извѣщеніемъ айгунскихъ властей о своемъ скоромъ пріѣздѣ и съ предупрежденіемъ, что не можетъ долго ожидать въ Айгунѣ ихъ уполномоченнаго, Н. Н. Муравьевъ 26 апрѣля въ сопровожденіи архіепископа Иннокентія Камчатскаго выѣхалъ изъ Срѣтенска и поплылъ по Амуру вслѣдъ за ледоходомъ. Не доходя 80 верстъ до устья Зеи, Муравьевъ былъ встрѣченъ китайскими чиновниками, извѣстившими его (очевидно, вопреки истинѣ), что ихъ главноуполномоченный еще не прибылъ изъ Пекина и ожидается ежедневно. 6 мая, на другой же день по прибытіи къ Усть-Зейскому посту, явился къ нему айгунскій амбань и заявилъ, что уполномоченный ихъ прибылъ и проситъ Муравьева, ввиду важности вопроса, приступить къ рѣшенію дѣла. Муравьевъ согласился и 10 мая со свитою на 2-хъ вооруженныхъ пароходахъ подплылъ къ Айгуну. Послѣ обычныхъ встрѣчъ и визитовъ начались переговоры, во время которыхъ Муравьевъ разъяснилъ китайскому послу, какому риску подвергается Китай со стороны англичанъ, если Амуръ не бу-

детъ закрѣпленъ за русскими, и что для большей прочности русскихъ для нихъ необходимо имѣть въ своемъ владѣніи Южно Уссурійскій край. Чрезъ четыре дня, когда Муравьевъ замѣтилъ, что переговоры начинаютъ затягиваться, онъ изложилъ свои требованія въ 6-ти короткихъ пунктахъ и послалъ ихъ въ Айгунъ съ предупрежденіемъ, что если завтра же эти условія не будутъ подписаны то онъ, прекращаетъ переговоры и выѣзжаетъ на устье Амура, оставляя всѣ послѣдствія на ихъ отвѣтственности. Такая тактика Муравьева подѣйствовала на китайскихъ сановниковъ и они согласились подписать предложенный имъ трактатъ Муравьевымъ.

Проектъ этотъ былъ слѣдующій:

1) Границѣ между обоими государствами быть по рѣкѣ Амуру такъ, чтобы лѣвый берегъ до устья принадлежалъ россійскому, а правый до рѣки Уссури—китайскому государству, затѣмъ по рѣкѣ Уссури до ея истоковъ, а отъ оныхъ до полуострова Кореи.

2) Плаваніе по рѣкамъ, составляющимъ границы, дозволяется только судамъ этихъ двухъ государствъ.

3) По симъ рѣкамъ—свободная торговля.

4) Китайскимъ подданнымъ, находящимся на лѣвомъ берегу Амура—переселиться на правый въ теченіе трехъ лѣтъ.

5) Пересмотръ (чрезъ нарочно назначенныхъ для сего съ обѣихъ сторонъ лицъ) прежнихъ трактатовъ для постановленія новыхъ правилъ по всѣмъ предметамъ, касающимся до пользы и славы обоихъ государствъ, и

6) Настоящій договоръ считать дополненіемъ прежднихъ трактатовъ.

Подписаніе этого трактата и оффиціальный обмѣнъ текстами его состоялся въ 12 часовъ 16 мая 1858 года.

Этимъ актомъ за властью русскаго государства, безъ пролитія крови и благодаря лишь дарованіямъ и настойчивости Муравьева, закрѣпились цѣлые мил-

ліоны квадратныхъ верстъ земли, давшей возможность русскимъ, послѣ вѣкового народнаго движенія на востокъ, окончательно укрѣпиться на берегахъ Великаго океана и здѣсь вступить на арену всемірной дѣятельности всѣхъ народовъ стараго и новаго свѣта.

За такое блестящее дѣло генералъ-адъютантъ Н. Н. Муравьевъ получилъ титулъ графа Амурскаго.

Вскорѣ по возвращеніи своемъ изъ Айгуна въ Усть-Зейскій постъ, а именно 21 мая, графъ Муравьевъ донесъ Государю Императору о заключеніи вышеизложеннаго договора и Усть-Зейскій постъ переименованъ въ городъ Благовѣщенскъ. Въ тотъ же день архіепископомъ Иннокентіемъ былъ заложенъ храмъ во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы. Послѣ молебна, совершеннаго по случаю заключенія договора, маститый владыка обратился къ Муравьеву и произнесъ слѣдующую, вполнѣ характеризующую дѣятельность его, рѣчь: «Наконецъ, Господь помогъ вамъ совершить одно изъ вѣковыхъ дѣлъ. Благословенъ Богъ нашъ, вложивый въ сердце нашего Монарха такую мысль и избравшій тебя, богоизбранный мужъ, въ орудіе такого великаго дѣла, и укрѣплявшій и укрѣпляющій тебя Своею силою. Благословенъ Господь Богъ твой, и благословенъ ты Богомъ Вышнимъ, устроившимъ это дѣло такъ вожделѣнно, мирно, дружелюбно и безъ посредства оружія. Нѣтъ надобности говорить здѣсь о томъ, какія выгоды, какія блага могутъ произойти отъ этого края для Россіи. Это очевидно при самомъ простомъ взглядѣ. Скажемъ только, что это есть вмѣстѣ благо и счастье для самихъ сосѣдей нашихъ, ибо рано, или поздно они черезъ насъ просвѣтятся свѣтомъ Христовымъ, а это какое благо можетъ быть выше и прочнѣй? Не время такъ же и не мѣсто, да и не нашимъ силамъ исчислять или оцѣнять всѣ твои заботы, усилія, труды, боренія' твои подвиги, понесенные тобою въ достиженіи этой одной изъ твоихъ цѣлей. Ихъ вполнѣ можетъ

оцѣнить только будущее населеніе сего края и исторія. Но если бы, паче чаянія, когда нибудь и забыло тебя потомство и даже тѣ самые, которые будутъ наслаждаться плодами твоихъ подвиговъ, то никогда, никогда не забудетъ тебя наша православная церковь, всегда вспоминающая создателей храмовъ, а ты, богоизбранный мужъ, открылъ возможность, надежды и виды къ устроенію тысячи храмовъ въ семъ неизмѣримомъ бассейнѣ Амура Но нѣтъ сомнѣнія, что и въ настоящее время, если и не вся Россія, то вся Сибирь и всѣ благомыслящіе россіяне и всѣ твои сподвижники съ радостью, съ благодарностью и восторгомъ примутъ извѣстіе о совершенномъ тобою нынѣ дѣлѣ».

Не долго графъ Муравьевъ оставался въ Благовѣщенскѣ праздновать свой праздникъ; предстояло много дѣлъ. Для того, чтобы использовать выгоды айгунскаго трактата, надо было прежде всего колонизовать край, развить въ немъ въ большихъ размѣрахъ русское населеніе, улучшить пути сообщенія и особенно развить пароходство по Амуру и сдѣлать изъ него дѣйствительно торговый путь для всей Западной Сибири. Хотя эту цѣль намѣтилъ себѣ графъ Муравьевъ еще въ первые годы своего вступленія въ управленіе Сибирью и все время приводилъ ее въ исполненіе, но тѣмъ не менѣе, до заключенія айгунскаго трактата, все это дѣлалось не гласно и съ большимъ рискомъ на узаконеніе этихъ дѣйствій въ будущемъ.

Айгунскій актъ развязалъ руки Муравьеву и онъ, не теряя дорогого времени, тотчасъ же послѣ основанія Благовѣщенска, вмѣстѣ съ архіепископомъ Иннокентіемъ и своимъ штабомъ отплылъ въ дальнѣйшій путь по Амуру.

Пропуская мимо себя, а иногда и обгоняя сплавныя суда съ переселенцами, эти два, незлобенныхъ для Амура, мужа останавливались для осмотра выдающихся мѣстъ, намѣчали наилучшіе пункты къ заселенію и распредѣляли въ нихъ подплывавшихъ казаковъ съ ихъ семьями и домообзаводствомъ. Такъ

былъ разпредѣленъ первый амурскій пѣшій баталіонъ по берегу отъ малаго Хингана до устья р. Уссури.

31-го мая графъ Муравьевъ прибылъ къ впаденію р. Уссури въ Амуръ и на трехъ холмахъ, ясно обрисовывающихъ сліяніе этихъ рѣкъ, заложилъ поселеніе 13-го линейнаго баталіона и назвалъ его Хабаровкою. Первую станицу по Уссури Муравьевъ опредѣлилъ основать въ 40 верстахъ отъ устья этой рѣки у подножія выдающейся горы и назвалъ ее Казакевичевой въ честь военнаго губернатора приморской области, контръ-адмирала Казакевича, который въ это время прибылъ изъ Николаевска и принималъ участіе при основаніи Хабаровки.

Хабаровка, благодаря своему выгодному географическому положенію, какъ пунктъ при сліяніи двухъ главныхъ водныхъ путей для всего края, вскорѣ же начала разростаться и 26 ноября 1880 г., т. е. чрезъ 22 года послѣ основанія, была преобразована въ областной городъ, а чрезъ 14 лѣтъ затѣмъ, по избранію его въ 1884 году резиденціею генералъ-губернатора, былъ переименованъ въ г. Хабаровскъ.

Отправляясь къ устью Амура и возвращаясь обратно въ Забайкалье, графъ Муравьевъ заложилъ городъ Софійскъ, давъ нѣкоторымъ образовавшимся поселеніямъ названія въ честь именъ своихъ соподвижниковъ, и вездѣ дѣлалъ указанія и распоряженія преисполненныя дальновидностью и чувствомъ любви къ родинѣ и вновь присоединенному краю. Въ эту же поѣздку Муравьевъ на пароходѣ «Амуръ» поднимался на 40 верстъ по теченію р. Сунгари, предугадывая большое значеніе этой рѣки для будущаго Приамурья.

Приамурскій край, какъ выяснили первыя же научныя экспедиціи, одаренъ большими природными богатствами, но въ моментъ занятія его, если не считать нѣсколькихъ тысячъ инородцевъ тунгускаго племени, ведшихъ полукочевой образъ жизни, онъ былъ совершенно пустынный и безъ всякихъ путей

сообщенія. Благоустройство этого края и заботы о немъ, какъ о своемъ дѣтищѣ, и были предметомъ дѣятельности графа Муравьева въ остальные три года его службы въ Восточной Сибири. Нужно было вырвать этотъ край изъ суровыхъ оковъ дикой природы и создать изъ него страну, долженствующую служить оплотомъ русскаго могущества на востокѣ и быть во всѣхъ отношеніяхъ аванпостомъ Россіи предъ лицемъ всѣхъ народовъ свѣта. Сдѣлать это было не легко, особенно если принять во вниманіе отдаленность края отъ центра Россіи и холодное тамъ къ нему отношеніе.

Первая же колонизація края крестьянами, съ переселеніемъ которыхъ не связывались обязанности, какъ съ казаками, быть стражами границы, ясно указали, что наилучшія для ихъ быта мѣста лежатъ съ Южно-Уссурійскомъ краѣ, границы котораго съ Китаемъ только вскользь были указаны въ айгунскомъ договорѣ. Вслѣдствіе этого первою заботою Муравьева было установить эти границы болѣе точно. Съ этимъ вопросомъ Муравьевъ особено торопилъ петербургскихъ властей, такъ какъ боялся, что кто либо изъ европейцевъ впередъ захватитъ какую либо изъ южныхъ гаваней, примыкающихъ съ сѣвера къ полуострову Кореи, и тогда значеніе Россіи въ водахъ Тихаго океана можетъ упасть до минимума. Въ этомъ вопросѣ, какъ и вообще во всѣхъ амурскихъ дѣлахъ, Муравьеву оказалъ большую поддержку Великій Князь Константинъ Николаевичъ, который живо интересовался берегами Великаго океана и во всѣхъ вопросахъ по этому дѣлу, какъ глава русскаго флота, принималъ дѣятельное участіе и всегда цѣнилъ дѣятельность и заслуги Муравьева.

Въ 1859 году изъ Петербурга было снаряжено посольство въ Пекинъ съ графомъ Игнатьевымъ во главѣ. Муравьевъ, познакомившись съ Игнатьевымъ и отдавая должное вниманіе его достоинствамъ, принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы миссія его въ Пекинѣ закончилась съ полнымъ успѣхомъ на поль-

зу Россіи. Проводивши графа Игнатьева въ Пекинъ, Муравьевъ въ маѣ 1859 года прибылъ въ Николаевскъ, а въ іюлѣ съ эскадрою русскихъ судовъ отправился въ Японію и Печилійскій заливъ, подробно осматривая по пути берега Татарскаго пролива. Особенное вниманіе Муравьева обратили на себя гавани, лежавшія между 42 градусомъ широты и полуостровомъ Кореи. Особенно понравились ему заливы Петра Великаго и Посьета, съ гаванью Новгородскою, въ которую онъ затѣмъ заходилъ нѣсколько разъ. Желая дать Игнатьеву какъ можно болѣе точный метеріалъ, Муравьевъ командировалъ къ истокамъ Уссури партію топографовъ подъ начальствомъ полковника Будагоскаго и приказалъ ему вычертить пограничную карту такъ, чтобы граница прошла отъ южной оконечности озера Ханка къ устью р. Тумень-Улы, оставивъ такимъ образомъ всѣ заливы до границы Кореи во власти русскихъ.

Въ 1860 году 2 ноября графъ Игнатьевъ, послѣ долгихъ переговоровъ, заключилъ, наконецъ, въ Пекинѣ дополнительный договоръ, по которому сухопутная граница между китайскимъ и русскимъ государствомъ въ предѣлахъ Уссурійскаго края прошла такъ, какъ ее обозначилъ, по указаніямъ Муравьева, Будагоскій въ составленной имъ картѣ. Такимъ образомъ, пекинскій договоръ Игнатьева является какъ бы послѣднимъ звеномъ, завершившимъ великія дѣянія Муравьева, давшаго Россіи обширный край.

Послѣ этого переселеніе въ Уссурійскій край начинаетъ усиливаться, и не только изъ Восточной Сибири, но и изъ центровъ Россіи. Для урегулированія этого переселенія съ цѣлью привлеченія въ этотъ край крестьянъ, въ 1861 году были изданы особыя льготныя правила какъ для пользованія землею, такъ равно и по отбыванію различныхъ государственныхъ повинностей.

Эти правила и особенно матеріальная поддержка со стороны правительства, дѣйствительно, начали было привлекать переселенцевъ. Помимо 5000 душъ

казаковъ, поселившихся къ этому времени по Уссури, въ Южно-Уссурійскомъ краѣ образовалось нѣсколько селеній изъ крестьянъ Астраханской, Тамбовской и другихъ губерній, и были привезены даже колонисты-поморы, преимущественно изъ финляндцевъ, для эксплоатаціи кабинетныхъ земель, отведенныхъ вдоль восточнаго берега Уссурійскаго залива до Устья Сучана съ бухтою «Находку»—включительно. Но всѣ эти старанія колонизовать край, при трудности сообщенія съ центромъ Россіи и при незначительномъ ассигнованіи на это средствъ, являлись «каплей въ морѣ» въ сравненіи съ обширностью земель, доставшихся Россіи. Кромѣ того частыя колебанія взглядовъ русскаго правительства на этотъ край и не всегда равномѣрныя заботы о немъ со стороны послѣдующихъ правителей Сибири, крайне неблагопріятно отражались на ходѣ колонизаціоннаго дѣла.

Хотя съ 1883 года, когда переселенцы начали направляться моремъ на судахъ добровольнаго флота, переселеніе и улучшилось, но тѣмъ не менѣе, за 50 лѣтъ владѣнія Пріамурскимъ краемъ, плотность населенія его не достигнута еще и одного человѣка на квадратную версту.

Много и даже очень много слѣдовало бы сказать еще о дѣяніяхъ и заботахъ графа Муравьева-Амурскаго, но еще больше можно бы сказать о томъ, насколько по стопамъ Муравьева, открывшаго для Россіи двери на Востокѣ, русскіе успѣли въ дѣлѣ насажденія здѣсь культуры и насколько они воспользовились этимъ краемъ въ цѣляхъ какъ политическихъ, такъ и чисто экономическихъ, но объемъ предоставленнаго мнѣ этого сообщенія не позволяетъ сдѣлать этого. Скажу только, что 14 лѣтъ непрерывной работы на пользу отечества настолько подорвали здоровье графа Муравьева, что онъ въ февралѣ 1861 года вышелъ въ отставку и, для регулярнаго лѣченія своихъ болѣзней, долженъ былъ поселиться заграницей. Умеръ нашъ Муравьевъ въ

Парижѣ въ 1881 году, а въ 1891 году у насъ въ Хабаровскѣ ему поставленъ памятникъ.

Итакъ, слѣдовательно, сбылись слова архіепископа Иннокентія—«тебя, богоизбранный мужъ, не забудетъ потомство». Подтвердимъ же и мы слова перваго амурскаго архипастыря и скажемъ; «слава мирному покорителю Амура, слава!!».

В. П. Маргаритовъ.

„Будущность Приамурья—въ его колонизаціи". (Изъ рѣчи барона Корфа на Хабаровскомъ съѣздѣ).

Познакомившись съ исторіей мирнаго присоединенія Приамурскаго края, заинтересуемся дальнѣйшей его судьбой, его жизнью въ теченіе минувшаго пятидесятилѣтія. Попробуемъ въ самыхъ общихъ чертахъ набросать картину его внутренняго устроенія съ муравьевскихъ временъ до нашихъ дней.

Послѣ того, какъ въ 1860 году Амурскій край былъ окончательно укрѣпленъ за Россіей, графъ Н. Н. Муравьевъ сталъ просить объ увольненіи его отъ должности генералъ-губернатора Восточной Сибири. Онъ мотивировалъ это тѣмъ, что присоединеніе Амура уже закончено, что здоровье его разшатано, что имъ подготовленъ себѣ достойный преемникъ, способный продолжать начатое дѣло. Въ историческій день 19 февраля 1861 года милостивымъ Высочайшимъ рескриптомъ, въ которомъ воздавалась должная оцѣнка трудамъ графа, онъ назначенъ былъ членомъ государственнаго совѣта.

Въ это время Приамурье представляло край совершенно неустроенный, полудикій, пустынный, невѣдомый. Непроходимая первобытная тайга перемежалась съ сырыми, заболоченными лугами. Суровый своеобразный климатъ былъ непривыченъ для поселившихся русскихъ. Единственнымъ путемъ сообщенія служили рѣки. Въ лѣсахъ бродили разные звѣри; медвѣди и тигры попадались на каждомъ шагу, въ заливѣ Петра Великаго плавали киты. Мо-

ре и рѣки были переполнены рыбой, которую ловили руками. Немногіе дикіе инородцы ютились вдоль рѣкъ и при первомъ появленіи русскихъ уступали имъ дорогу. Что то сказочное и заманчивое представлялъ изъ себя этотъ богатый, но неизвѣстный край.

Русское населеніе, котораго къ этому времени насчитывалось всего около 10.000 душъ преимущественно казаковъ, разбросано было вдоль Амура и низовьевъ Уссури отдѣльными небольшими поселками. Этой горсточки русскихъ было совершенно недостаточно для обширной окраины, почему первою заботой русской администраціи, въ особенности преемника и подражателя графа Муравьева генералъ-губернатора Восточной Сибири М. С. Корсакова, было скорѣйшее заселеніе края. Изданъ былъ новый законъ о переселеніи на Амуръ, которымъ устанавливались разнообразныя и существенныя льготы, напримѣръ, освобожденіе отъ воинской повинности, которой не существуетъ до сихъ поръ, отъ подушной подати, отъ земельныхъ и прочихъ казенныхъ сборовъ и безплатный отводъ стодесятинныхъ надѣловъ. Желающихъ переселиться оказалось много. Въ первый же годъ поступило прошеній отъ болѣе 3000 семействъ. Въ теченіе первыхъ семи—восьми лѣтъ со времени отъѣзда Муравьева, т. е. до 1868 года происходило оживленное переселеніе, въ среднемъ до 2000 душъ ежегодно, а затѣмъ сразу замѣтно сократилось. Сначала селились по теченію Амура, а затѣмъ начали проникать и въ Южно-Уссурійскій край. Къ этому времени относится основаніе въ 1866 году четырнадцатью семействами села Никольскаго, нынѣ города Никольска. На самой зарѣ существованія село Никольское подверглось большому испытанію. Китайцы, изгнанные, только что появившимися, русскими съ острова Аскольда, гдѣ они копали золото, въ количествѣ свыше 500 человѣкъ подступили къ селу. Жители бѣжали, бросивъ имущество и едва успѣвъ захватить женъ и дѣтей. Одно замѣшкавшееся семей-

ство было убито, дома сожжены, имущество разграблено, скотъ уведенъ. Хунхузы разсѣяны были лишь войсками, послѣ чего жители вернулись къ своимъ пепелищамъ.

Въ 1865 году въ Амурской области открыто было существованіе золота, а въ 86 и 87 годахъ началась его разработка. Это послужило могучимъ толчкомъ для дальнѣйшаго ея развитія. Начала быстро возникать золотопромышленность и потребовала рабочихъ рукъ, продовольствія, продуктовъ добывающей и обрабатывающей промышленности. Населеніе стало работать вокругъ золопромышленности и быстро поправлять свое благосостояніе. Оживилась торговля, Благовѣщенскъ началъ превращаться въ естественный центръ области. Въ 1868 году, въ немъ насчитывалось уже около $2^1/_2$ тысячъ населенія, и введено было городовое положеніе. Хотя переселенія крестьянъ къ этому времени почти прекратились, но за то теперь на Амуръ шло много рабочихъ.

Съ цѣлью урегулированія и поддержки золотого промысла изданъ былъ въ 1870 году уставъ о частной золотопромышленности. Въ этомъ же году окончена была проведеніемъ непрерывная телефонная линія отъ Иркутска до Николаевска Къ 1870 году по Амуру плавало уже около 25 частныхъ пароходовъ, а въ 1871 году образовавшееся товарищество амурскаго пароходства съ субсидіей отъ правительства организовало правильные срочные почтово-пассажирскіе и грузовые рейсы съ пониженными тарифами.

Такимъ образомъ, въ теченіе перваго десятилѣтія существованія Пріамурья, какъ русской колоніи, наиболѣе развивалась Амурская область, что вполнѣ естественно, такъ какъ Амуръ былъ единственнымъ путемъ сообщенія, вокругъ котораго и сосредоточивалась дѣятельность населенія. Приморская область, административнымъ центромъ которой былъ Николаевскъ, лежала въ предѣлахъ амурскаго района въ болѣе суровой и безлюдной полосѣ, а южная ея

часть, нынѣшній южно-уссурійскій край былъ въ сторонѣ отъ большой дороги. Нашъ Хабаровскъ въ то время не игралъ никакой роли и былъ лишь незамѣтнымъ селеніемъ Хабаровкой, входившей въ составъ Софійской округи съ уѣзднымъ городомъ Софійскомъ. Къ концу перваго десятилѣтія русскаго населенія насчитывалось въ Амурской области—22.600 душъ и въ Приморской—11.400, а всего около 34.000 душъ.

Тяжело было первымъ колонизаторамъ, вольно или невольно заселившимъ край, устраиваться на новыхъ мѣстахъ и бороться съ массою стихійныхъ препятствій. Піонеры нашего края—это истиные мученики и страстотерпцы амурскаго дѣла. При первоначальномъ выборѣ мѣстъ для поселеній хотѣли расположить населенные пункты приблизительно на равномъ другъ отъ друга разстояніи. Много первыхъ селеній основано было на низменныхъ мѣстахъ, почему наводненія ежегодно заливали огороды, уносили хлѣбъ, сѣно и даже постройки. Приходилось переходить на новыя мѣста и переносить деревни. На протяженіи 400 верстъ между Уссури и Хинганомъ изъ 12 селеній шесть были совершенно брошены жителями, четыре перенесены на новыя мѣста и лишь только два остались на старыхъ. Въ первое время населенію приходилось ютиться въ землянкахъ и плетеныхъ изъ хвороста мазанкахъ, плохо защищавшихъ отъ холода и непогоды Среди жителей начались и долго держались различныя болѣзни, начиная съ оспы, кончая тифомъ. Вслѣдствіе лишеній, невозможныхъ гигіеническихъ условій, антисанитарной обстановки и врачебной безпомощности, болѣзни принимали очень часто повальный характеръ. Такъ, въ 1856 году въ Усть-Зейскомъ посту изъ 100 казаковъ умерло 29 человѣкъ. Изъ крестьянъ, поселенныхъ на одномъ изъ острововъ нижняго Амура уцѣлѣлъ лишь одинъ человѣкъ, а всѣ остальные вымерли отъ тифа. Полное бездорожье дѣлало поселки совершенно изолированными другъ отъ друга, казенное продовольствіе прибыва-

ло лишь разъ въ годъ. Миріады мошки (гнуса) являлись настоящею египетскою казнью, невыносимою не только для людей, но даже и для животныхъ, которыя, пытаясь спастись отъ насѣкомыхъ, бросались иногда въ горящіе костры. Безпомощное положеніе первыхъ засельниковъ ухудшалось еще массою лежавшихъ на нихъ натуральныхъ повинностей, напримѣръ, доставка по пониженной цѣнѣ лѣса для казенныхъ и общественныхъ надобностей, сплавъ казенныхъ грузовъ и подводная повинность по перевозкѣ почты и чиновниковъ. Населенія было немного, а нуждъ у, только начавшаго устраиваться, края было очень много и поэтому почтово пассажирское движеніе вдоль Амура было усиленное. Казенной работы было столько, что казакамъ почти не было возможности работать для себя. Въ 1857 году во время лѣтняго сбора вмѣсто 1000 человѣкъ, числившихся по списку, явилось лишь 200. Остальные были заняты въ нарядахъ и работахъ.

Съ другой стороны занятіе сельскимъ хозяйствомъ требовало особенно усиленнаго труда. Сколько трудностей приходилось преодолѣвать, чтобы дикую амурскую или уссурійскую прерію превратить въ плодородную долину. Здѣсь требуется и предварительная выкорчевка, и тщательная распашка нетронутой цѣлины, отъ которой ломаются плуги, часто бываетъ нужна предварительная осушка мѣстности. Почва быстро выпахивается, буйныя сорныя травы, издавна росшія на ней, продолжаютъ мѣшать всходамъ, внезапныя наводненія затопляютъ поля, сѣмена хлѣбовъ быстро перерождаются, озимыхъ хлѣбовъ сѣять нельзя и весь огромный сельско-хозяйственный трудъ падаетъ поэтому на короткій лѣтній періодъ; урожай бываетъ самъ 7—8 и меньше, орудія быстро изнашиваются, починка стоитъ очень дорого, часто даже невозможна, за отсутствіемъ мастеровъ; особые хлѣбные грибки портятъ зерно, бездорожье затрудняетъ сбытъ, кредита на обзаведеніе нѣтъ, лошадей и молочный скотъ приходится привозить издалека, такъ какъ мѣстныхъ породъ, при-

способившихся къ особенностямъ климата и корма, нѣтъ. Привозный скотъ, преимущественно выросшій на сухихъ пастбищахъ, съ трудомъ привыкаетъ къ влажнымъ сочнымъ и малопитательнымъ травамъ Приамурскаго края. Весьма губительны эпизоотіи и гнусъ—эти два бича скотоводства, питающіеся въ обиліи сырыхъ, заболоченныхъ равнинъ.

Поэтому первое десятилѣтіе колонизаціи Приамурья это сплошныя страданія населенія, употребившаго героическія усилія для борьбы съ природою и другими препятствіями. Приэтомъ прежде, чѣмъ попасть на Амуръ, переселенцамъ надо было проѣхать черезъ всю огромную Сибирь и совершить тяжелый путь, который поистинѣ можетъ быть названъ «крестнымъ». Послѣ такого перехода, колонисты являлись на Амуръ совершенно разбитыми, измученными и усталыми.

«Недостатокъ средствъ, болѣзни, усиленная смертность, въ особенности между дѣтьми, падежъ скота—вотъ», говоритъ въ своей книжкѣ бывшій военный губернаторъ Приморской области, нынѣ Приамурскій генералъ-губернаторъ, г. Унтербергеръ, «неизмѣнные спутники, сопровождавшіе переселенцевъ, приходившихъ часто нищими и разоренными въ новыя мѣста поселенія, гдѣ тотчасъ же приходилось браться за усиленную работу по домообзаводству и обработкѣ нетронутой земли».

Первое увлеченіе Амуромъ скоро прошло и переселенческое движеніе со второго десятилѣтія почти совершенно прекратилось.

Въ 1872 году совершились два событія, глубоко повліявшія на дальнѣйшую судьбу края. Огромное небывалое наводненіе на Амурѣ затопило всѣ пашни и луга и всѣ населенные пункты отъ Амазара до Благовѣщенска, причемъ было залито водою 22 поселенія, а 8 изъ нихъ было уничтожено совершенно. Это крайне неблагопріятно отразилось на благосостояніи прибрежнаго населенія, которое долго не могло оправиться отъ такого удара.

Другое событіе было—перенесеніе морского порта изъ Николаевска во Владивостокъ. Съ этого времени начинается второй періодъ исторіи окраины, продолжающійся двѣнадцать лѣтъ и характеризующійся замедленіемъ ея развитія. Переселеніе почти совершенно прекращается; напримѣръ, за первое десятилѣтіе переселилось въ Амурскую область 10.000 душъ, а за второе всего лишь около 1000. Въ такомъ же масштабѣ сократилось переселеніе и въ Приморскую область. Несмотря на посѣщеніе края въ 1873 г. Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ, окраину все же начали забывать не только въ Петербургѣ, но и въ Иркутскѣ, гдѣ находилось мѣстопребываніе генералъ-губернатора. Это глухое время, въ теченіе котораго край предоставленъ былъ самъ себѣ, продолжалось вплоть до начала восьмидесятыхъ годовъ. Губернаторы Приморской области, какъ адмиралы и начальники флота, мало занимались гражданскими дѣлами. Ихъ силы и вниманіе направлены было преимущественно на морскіе вопросы. Въ этой области имъ удалось сдѣлать довольно много. Въ 1874 году экспедиція генерала Большева произвела опись береговъ Японскаго моря и Татарскаго пролива на протяженіи свыше 1000 верстъ, до тѣхъ поръ совершенно необслѣдованныхъ. Во Владивостокѣ занялись постройкой укрѣпленій,—городокъ оживился, началъ заселяться и въ 1875 году получилъ уже городовое положеніе. Въ это время отошла къ Россіи и южная половина Сахалина, находившаяся до тѣхъ поръ во владѣніи японцевъ. Въ Амурской области золотопромышленность открыла для себя новые районы, что увеличило добычу золота. Въ этихъ же 1875-76 г.г. въ области работала экспедиція инженера Аносова, производившая рекогносцировочныя изысканія желѣзной дороги. Но случайно командированная, она скоро была забыта и труды ея поступили въ архивъ.

Амурскіе казаки, крестьяне и горожане, благодаря постепенно развивающейся золотопромышлен-

ности и создавшимся вокругъ нея промысламъ, торговлѣ и пароходству, имѣли хорошіе заработки и мало по малу начали оправляться отъ бѣдствій, принесенныхъ наводненіемъ, преодолѣвать трудности перваго устройства и вообще увеличивать благосостояніе. Уссурійскому же казачеству становилось жить все труднѣе. Частыя наводненія и прочія неблагопріятныя условія, о которыхъ мы говорили выше, окончательно подорвали ихъ благосостояніе и въ 1879 году почти половина казачества выселилась по собственному желанію въ Южно-Уссурійскій край. Благодаря этому переселенію, экономическое положеніе казаковъ тоже значительно начало улучшаться. При этомъ наша сухопутная граница съ Китаемъ перестала быть безлюдной и беззащитной. Въ это время во Владивостокѣ было около десяти тысячъ населенія. На вновь создавшійся уголокъ обратили вниманіе. Въ слѣдующемъ году открыты были регулярные рейсы пароходовъ добровольнаго флота, а также установлено правильное сообщеніе съ портами Японіи и Китая; это оживило товарообмѣнъ, удешевило жизнь, увеличило потребленіе. Въ этомъ же году произошло, наконецъ, раздѣленіе должностей. Владивостокъ съ прилегающимъ райономъ выдѣленъ былъ въ особое губернаторство, съ адмираломъ во главѣ, а для Приморской области учреждена была должность особаго губернатора, на каковую назначенъ былъ г. Тихменевъ. Областныя управленія переведены были изъ Николаевска въ Хабаровскъ.

Назначенный, въ концѣ 1879 года, генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, Анучинъ обратилъ на молодой край особенное вниманіе, чему способствовало и то, что въ 1880 году у насъ были нѣкоторыя осложненія отношеній съ Китаемъ, и Приамурье пріобрѣло серьезное стратегическое значеніе. Генералъ Анучинъ нашелъ, что край заселяется медленно, настоялъ на продленіи закона 61 года о льготныхъ переселеніяхъ на Амуръ, срокъ

которому истекалъ въ 1881 году, и поднялъ вопросъ о морской перевозкѣ колонистовъ.

Хотя земледѣліе и сельское хозяйство въ Южно-Уссурійскомъ краѣ достигли къ этому времени нѣкотораго развитія, настолько, что въ 1882 году казна могла уже купить свыше 70 тысячъ зерна и крупы для продовольствія войскъ по цѣнѣ въ среднемъ около 1 руб. 30 коп., но все-таки огромное пространство между райономъ, прилегающимъ къ Владивостоку, и райономъ, тяготѣющимъ къ Амуру было совершенно не заселено. Между тѣмъ приходилось позаботиться не только о подготовкѣ экономической и продовольственной базы для нашихъ войскъ и флота, но и о созданіи настолько плотнаго населенія, чтобы, въ случаѣ надобности, можно было образовать первые кадры защитниковъ границы. Проектъ Анучина государственнымъ совѣтомъ былъ отклоненъ, но генералъ лично доложилъ Государю свои соображенія и его соображенія получили одобреніе. Морская перевозка началась уже съ 1883 года, подъ руководствомъ Буссе. Въ этомъ же году изданы были правила о лѣсохраненіи и лѣсоустройствѣ и введены были лѣсныя пошлины. Близъ Владивостока открылся первый лѣсопильный заводъ.

Этимъ заканчивается собственно второй періодъ исторіи Приамурья, а съ 1884 года начинается новая эпоха, характеризующаяся энергичной и усиленной дѣятельностью по внутреннему устроенію края.

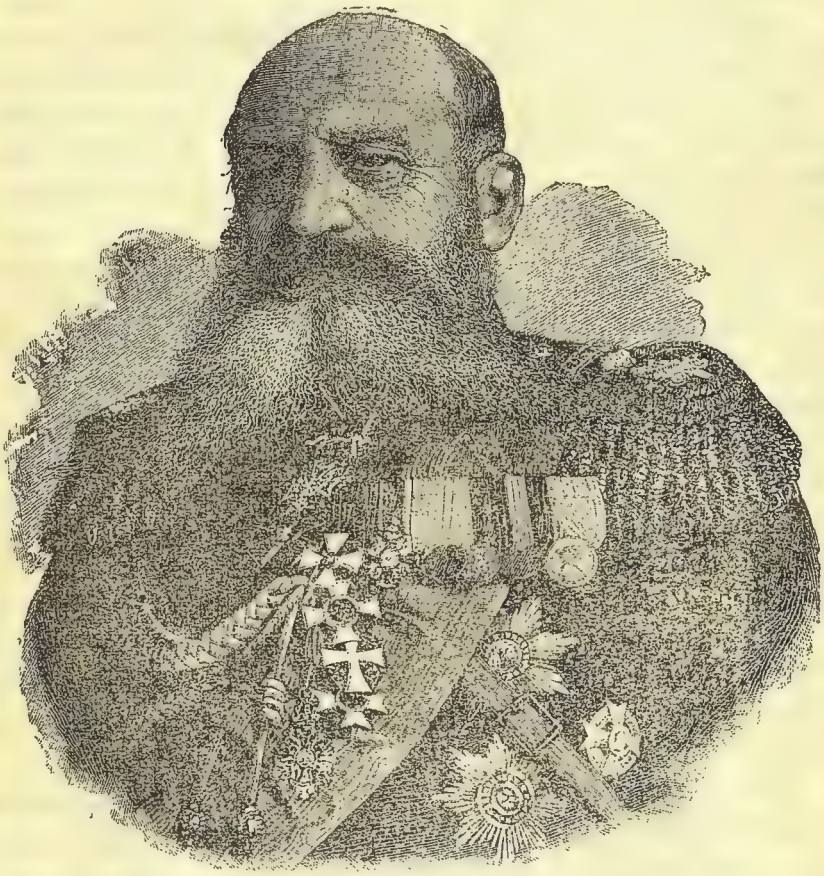
Въ 1884 году учреждается приамурское генералъ-губернаторство. На постъ перваго главнаго начальника края назначается баронъ А. Н. Корфъ. Въ этомъ же году во Владивостокѣ, являвшемся культурнымъ и умственнымъ центромъ, основано было первое научное общество «изученія амурскаго края» и начала издаваться газета «Владивостокъ».

Баронъ Корфъ горячо отдался дѣлу выясненія нуждъ и устроенію края, но, прежде чѣмъ предпринимать крупныя мѣропріятія, онъ созвалъ въ 1885

и 86 г.г. два съѣзда окраинныхъ администраторовъ и свѣдущихъ людей, на которыхъ и подвергъ окраинные вопросы всестороннему обсужденію. Съ вынесенными на съѣздѣ постановленіями баронъ Корфъ, во многихъ случаяхъ, согласовалъ свою дѣятельность. Съѣзды эти имѣли благотворное вліяніе. Вырабатывался опредѣленный взглядъ на предстоящія задачи экономической и духовной жизни края, расширялся кругозоръ у окраинныхъ администраторовъ, создавалось единство и планомѣрность дѣйствій.

Съѣзды особенное вниманіе обратили на необходимость расширенія колонизаціи, улучшенія путей сообщенія, поддержку промышленности и торговли, насажденіе образованія и врачебной помощи. Результатомъ усиленнаго морского переселенческаго движенія было то, что въ 86 году прекратился, наконецъ, подвозъ на Амуръ зерна изъ Россіи. Съ этого времени край сталъ обслуживаться собственнымъ хлѣбомъ. Въ этомъ году Южно-Уссурійскій край испыталъ два бѣдствія: большое наводненіе, причинившее населенію трудно поправимыя потери, и холерную эпидемію, унесшую довольно много жертвъ, такъ какъ край былъ постигнутъ ею совершенно неожиданно. Тѣмъ не менѣе, отъ этихъ бѣдствій населеніе скоро оправилось. Въ этомъ же году основана была въ Хабаровскѣ контрольная и казенная палаты, во Владивостокѣ основана была морская библіотека, представляющая одно изъ лучшихъ книгохранилищъ края.

Въ слѣдующемъ 1887 году край осчастливленъ былъ посѣщеніемъ Великаго Князя Александра Михаиловича. Это былъ второй случай посѣщенія окраины членами Августѣйшаго Дома. Въ этомъ году Баронъ Корфъ составилъ и представилъ въ Петербургъ программу ближайшихъ мѣропріятій по устроенію края, разсчитанную на 10 лѣтъ. Программа эта удостоилась Высочайшаго одобренія и Корфъ началъ постепенно приводить ее въ исполненіе. Приводимъ ее полностью: 1) усиленіе морскихъ и сухопутныхъ силъ и обороны края, 2) увеличеніе рус-



БАРОНЪ
Андрей Николаевичъ
Корфъ.

скаго населенія, сокращеніе потока желтой расы, 3) расширеніе образованія 4) судебная реформа и преобразованіе администраціи, 5) удешевленіе жизни, поднятіе производительныхъ силъ, улучшеніе путей сообщенія и 6) сохраненіе дружественныхъ отношеній съ сосѣдями.

Въ 1889 году, для удобства управленія, уссурійское казачество выдѣлено было изъ состава амурскаго. Въ слѣдующемъ году всѣ областныя управленія перенесены были изъ Хабаровска во Владивостокъ. Владивостокское губернаторство было упразднено и вошло въ составъ Приморской области.

Слѣдующій 1891 годъ навсегда останется знаменательнымъ въ исторіи края. Въ этомъ году посѣтилъ Приамурье Его Величество Государь Императоръ Николай II, бывшій въ то время Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Его посѣщеніе ознаменовано было историческимъ событіемъ—закладкою 12 мая Уссурійской желѣзной дороги, которая, по первоначальному проекту, составляла конечное звено Великой Сибирской желѣзнодорожной магистрали. Въ присутствіи Наслѣдника состоялись: закладка памятника Невельскому во Владивостокѣ и открытіе памятнику графу Муравьеву-Амурскому въ Хабаровскѣ. Въ это время въ Хабаровскѣ было лишь около 4000 русскаго населенія.

Въ этомъ же 1891 году совершена крупная реформа въ крестьянскомъ бытѣ. Введено былъ сельское и волостное самоуправленіе, до этихъ же поръ крестьянское населеніе управлялось на основаніи Закаспійскаго положенія.

Закладку Уссурійской дороги слѣдуетъ считать поворотнымъ пунктомъ въ его исторіи Съ этого момента повсюду создалась и окрѣпла увѣренность въ томъ, что Россія намѣрена прочно утвердиться на берегахъ Тихаго океана, что край будетъ неуклонно заселяться и развиваться и что каждый можетъ спокойно и смѣло устраивать свои дѣла. Личное посѣщеніе Наслѣдника показало, это край близокъ сердцу Августѣйшаго Дома и вселило увѣрен-

ность, что, вслѣдъ за однимъ, послѣдуютъ и другія важныя мѣропріятія, что справедливыя нужды населенія всегда найдутъ откликъ и удовлетвореніе. Это событіе положило конецъ старой эпохѣ первобытнаго существованія полузабытаго Приамурья. Теперь открылось широкое поле для культуры. Съ этого времени безспорно начинается новая исторія Приамурскаго края, призваннаго къ новой жизни. Однимъ изъ главныхъ виновниковъ этого былъ баронъ А. Н. Корфъ. Вообще съ этого времени начинается самая блестящая страница исторіи Приамурья. На него обращается усиленное вниманіе и осуществляются многія полезныя мѣропріятія. Въ 1892 году учреждается должность помощника генералъ-губернатора и командующаго войсками, такъ какъ дѣла по управленію обширнымъ краемъ весьма осложнились и разрослись; при министерствѣ финансовъ образовывается комиссія для выясненія нуждъ золотопромышленности, издаются новыя правила о лѣсохраненіи и законъ, разрѣшающій продавать на льготныхъ условіяхъ казенныя земли въ частную собственность и запрещающій покупку земель иностранцамъ, въ амурскую область командируется экспедиція академика Коржинскаго для изученія ея колонизаціонной емкости, преобразовывается врачебная часть въ Южно-Уссурійскомъ районѣ и вводятся участковые врачи, во Владивостокѣ открывается вторая газета «Дальній Востокъ».

Въ началѣ слѣдующаго 1893 года баронъ Корфъ созвалъ третій Хабаровскій съѣздъ и, открывая его, произнесъ блестящую привѣтственную рѣчь, въ которой подвелъ итоги сдѣланному, охарактеризовалъ современное ему состояніе и нужды окраины и талантливыми штрихами набросалъ схему предстоящихъ преобразованій.

Въ это время итоги русской колонизаціи Приамурья были уже значительны. Русское населеніе достигло 120 тысячъ душъ. Тамъ, гдѣ лишь изрѣдка попадались одинокія заимки, красовались обширныя селенія и началъ ощущаться какъ бы недоста-

токъ удобной земли, а вся граница съ Китаемъ была уже сплошь довольно густо заселена русскими. Старожильческое населеніе достигло высокой степени благосостоянія и жизнь ихъ, протекавшая въ довольствѣ и достаткѣ, стала совершенно не похожа на жизнь первыхъ заселыциковъ края. Мясо, молочные продукты, хорошій хлѣбъ и овощи стали обычной пищей крестьянъ и казаковъ. Въ среднемъ на дворъ приходилось около 8 десятинъ обработанной и засѣянной земли и 8 головъ домашняго скота: лошадей и коровъ, чего нѣтъ ни въ одной изъ черноземныхъ губерній центральной Россіи. Сборъ хлѣбныхъ злаковъ и картофеля достигъ четырехъ съ половиною милліоновъ пудовъ и на 3 съѣздѣ поднималась было рѣчь о перепроизводствѣ мѣстнаго зерна и изыскивались мѣры для предотвращенія этого явленія. Торговля также сдѣлала крупные шаги впередъ, такъ въ 1892 году общій ввозъ товаровъ достигъ 20 милліоновъ рублей, причемъ необходимо отмѣтить, что если раньше привозились преимущественно товары иностранные, то за послѣдніе годы этого періода господствующее положеніе на рынкѣ заняли товары и издѣлія русскаго происхожденія. Начала возникать и мѣстная фабрично заводская промышленность; увеличилось количество мукомольныхъ мельницъ; общая стоимость производства достигла суммы около двухъ милліоновъ рублей. Особенно блестящаго развитія достигла золотопромышленность: ежегодно добывалось золота свыше 400 пудовъ, на сумму около 7 милліоновъ рублей, а всего съ начала открытія золота на Амурѣ добыто было для русскаго государства пять съ половиною тысячъ пудовъ благороднаго металла. Зародились, существовали и развивались многіе другіе виды добывающей промышленности, не говоря уже о промыслахъ рыбномъ и лѣсномъ, но они обслуживали исключительно мѣстный спросъ, вывоза же не существовало. Къ этому времени на Сахалинѣ разрабатывался уже каменный уголь и открыта была нефть, около залива Ольги

найдено было желѣзо, а на Сучанѣ каменный уголь. Для промышленности открывались новыя широкія перспективы, но для того, чтобы превратить окраину въ богатую цвѣтущую промышленную колонію нужны были люди и капиталы, только они могли оживить и использовать лежащія втунѣ неисчерпаемыя природныя богатства. На это особенно указывалъ баронъ Корфъ. «Вся будущность Приамурья — въ его колонизаціи» говорилъ онъ и добавлялъ: «полезными краю могутъ быть только умные и развитые люди, а чтобы быть таковыми надо учиться и учиться». И, дѣйствительно, о народномъ образованіи баронъ Корфъ заботился не мало. Пріятно отмѣтить, что уже тогда одна школа приходилась въ среднемъ на 1200 жителей, т. е школъ относительно было больше, чѣмъ въ Сибири. Но, конечно, ихъ было далеко недостаточно, на что и указалъ баронъ, когда перечислялъ на съѣздѣ назрѣвшія нужды края.

Какъ извѣстно, баронъ скончался въ Хабаровскѣ черезъ три дня по окончаніи третьяго съѣзда, и ему самому не пришлось примѣнить къ жизни и осуществить высказанныя на съѣздѣ пожеланія, но, тѣмъ не менѣе, иниціатива и труды Корфа и его сотрудниковъ не пропали даромъ. Напротивъ, заложенныя ими сѣмена возросли и дали богатый плодъ. Потомъ долго еще высшіе и другіе администраторы края черпали силу и искали почву для мѣропріятій и реформъ въ работахъ Корфа и его трехъ съѣздовъ. Готовой программой дѣятельности очень широко воспользовался преемникъ барона Корфа, генералъ Духовской.

1893 годъ можетъ быть отмѣченъ не только съѣздомъ, но и особеннымъ ростомъ обрабатывающей промышленности. Такъ, въ этомъ году основаны были, не считая многихъ мелкихъ заводовъ и фабрикъ, чугунно-литейный заводъ Чепурина и паровая мельница Алексѣева въ Благовѣщенскѣ и спичечная фабрика Суворова близъ Владивостока.

Слѣдующій 1894 годъ можно назвать «годомъ

просвѣщенія». Въ этомъ году учреждена была должность Окружнаго Инспектора училищъ, въ Хабаровскѣ открыта была женская прогимназія и техническое желѣзнодорожное училище, прибыла экспедиція, спеціально командированная, для изученія судоходныхъ условій Амура, въ Южно-Уссурійскомъ краѣ работали надъ его изученіемъ двѣ экспедиціи, продолжавшія работы Надарова, обслѣдовавшаго край еще въ 1882, 83 г., а также закончила свои работы экспедиція Ф. Ф. Буссе и В. П. Маргаритова, снаряженная обществомъ изученія Амурскаго края для археологическихъ изслѣдованій. Экспедиція эта важна особенно тѣмъ, что произведенными ею раскопками несомнѣнно установлено было, что нѣкогда въ краѣ существовало культурное довольно многочисленное населеніе. Въ этомъ же году 2 мая основанъ былъ Приамурскій Отдѣлъ Императорскаго рускаго географическаго общества, который внесъ затѣмъ крупную лепту въ дѣло изученія края, и начала издаваться оффиціальная газета «Приамурскія Вѣдомости», открывшая свои столбцы какъ для научныхъ статей, такъ и для обсужденія бытовыхъ условій края. Южно Уссурійскій край въ этомъ же году испыталъ большую эпизоотію, унесшую свыше двухъ тысячъ лошадей, заставившую принять самыя рѣшительныя предохранительныя мѣры. Въ слѣдующемъ 1895 году произведены были первыя массовыя прививки сибиреязвенной вакцины, что спасло край отъ повторенія грозной эпизоотіи. Зато въ этомъ году Приамурье вновь посѣтила холера, но, къ счастью, не приняла большихъ размѣровъ. Въ слѣдующемъ 1896 году въ Южно-Уссурійскомъ краѣ было опять очень большое наводненіе, снова причинившее населенію большіе убытки, но характера бѣдствія оно не носило, такъ какъ заливаемыя въ большую воду мѣста были уже большею частью извѣстны. Въ этомъ году г. Бережниковъ произвелъ обслѣдованіе состоянія фабрично-заводской промышленности и подсчиталъ, что сумма годового производства достигла свыше

4 милліоновъ рублей. Въ этомъ году продолжалось, начатое въ предыдущемъ, переселеніе и зачисленіе въ составъ уссурійскаго войска донскихъ, оренбургскихъ и прочихъ казаковъ. Это усиленіе мѣстнаго казачества продолжалось затѣмъ вплоть до японской войны, да продолжается и теперь, причемъ въ казаки записываются и крестьяне.

Особенно знаменателенъ для Приамурья 1897 годъ. Однодневная всероссійская перепись впервые точно установила количество русскаго и инородческаго населенія. Оказалось, что въ это время русскихъ жителей было въ Приморской области—130 тысячъ и въ Амурской—120 тысячъ, а всего 250 тысячъ душъ обоего пола. Затѣмъ въ Приамурьѣ торжественно открыты были новыя судебныя установленія: Владивостокскій и Благовѣщенскій окружные суды съ составомъ мировыхъ судей и примѣненіемъ новыхъ судебныхъ уставовъ Александра II. Наконецъ, 30 августа, въ присутствіи генералъ-губернатора Духовского, открыто было сплошное движеніе по законченной постройкой уссурійской желѣзной дорогѣ, между Владивостокомъ и Хабаровскомъ. Кромѣ того, этотъ годъ ознаменовался введеніемъ податной инспекціи, учрежденіемъ областныхъ врачебныхъ управленій и управленія государственными имуществами и открытіемъ во Владивостокѣ коммерческаго порта.

Въ слѣдующемъ 1898 году Приамурье посѣтилъ принцъ Генрихъ Прусскій, заинтересовавшійся дальнимъ востокомъ; въ Благовѣщенскѣ состоялся первый съѣздъ амурскихъ золотопромышленниковъ, посвященный выясненію и удовлетворенію своихъ нуждъ; начата была постройка колесной дороги между Хабаровскомъ и Срѣтенскомъ.

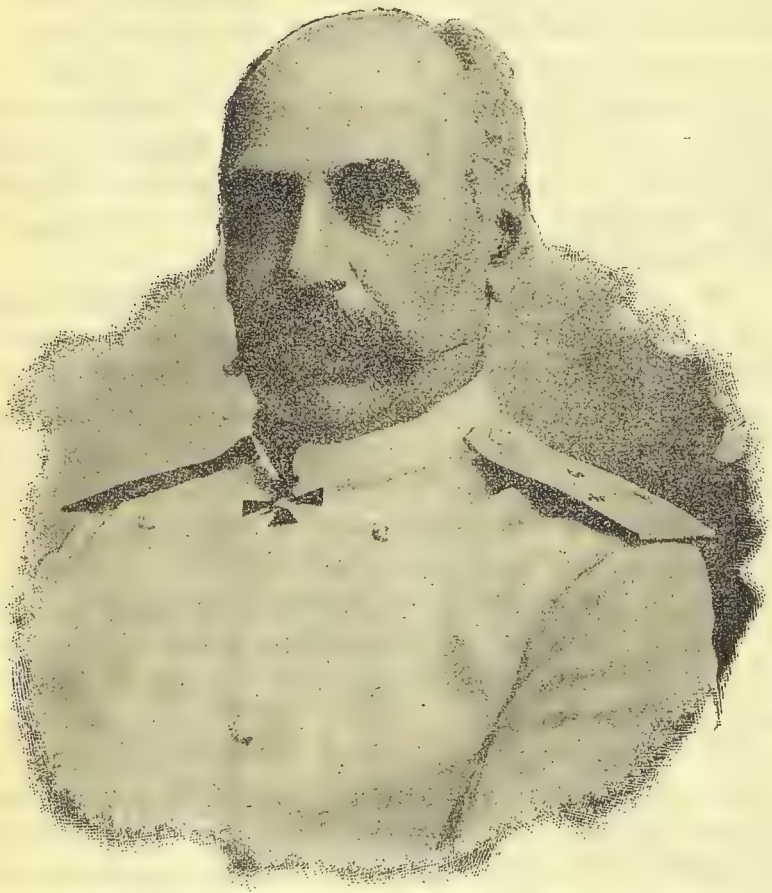
Это было крупнымъ ударомъ для края и для всего государства. Вмѣсто того, чтобы неуклонно продолжать великую идею Императора Александра III, соединить русское побережье Тихаго окена съ центральной Россіей желѣзной дорогой, непрерывно лежащей на русской землѣ, задумано было проведеніе

желѣзной дороги черезъ сѣверную Маньчжурію. Это былъ роковой шагъ. Тщетно дальнозоркіе люди предсказывали горькія послѣдствія. Приамурье было принесено въ жертву новымъ вѣяніямъ, диктовавшимъ стремленіе на югъ и направившимъ русскія деньги въ чужую страну. Вмѣсто желѣзной, Приамурье получило колесную дорогу, впрочемъ, до сихъ поръ еще не оконченную и успѣвшую стать во многихъ мѣстахъ непроѣзжей.

Приамурье дрогнуло. Сначала, въ теченіе перваго года, оно еще продолжало идти впередъ, по инерціи, но ясно было, что его дальнѣйшему росту и культурѣ положенъ предѣлъ. Между тѣмъ, въ 1899 году отголоски золотой эпохи еще оставили свои слѣды. Въ Хабаровскѣ состоялась первая обще приамурская сельско-хозяйственная и промышленная выставка, показавшая какіе успѣхи сдѣлала русская колонизація и по достоинствамъ своимъ далеко превзошедшая самыя скромныя ожиданія. Во Владивостокѣ открытъ былъ Восточный Институтъ, а въ Благовѣщенскѣ Управленіе водными путями Амурскаго бассейна, занявшееся изученіемъ и обстановкой фарватера береговыми знаками и упорядоченіемъ судоходныхъ и пароходныхъ дѣлъ.

Въ 1900 году въ Хабаровскѣ открыто было реальное училище, а приготовительная военная школа была преобразована въ кадетскій корпусъ, въ Благовѣщенскѣ сдѣланъ былъ для опыта первый шагъ къ свободному обращенію золота въ видѣ разрѣшенія банкамъ покупки его отъ вольноприносителей. Замѣтно оживившееся за послѣдніе два—три года переселенческое движеніе въ этомъ году особенно было замѣтнымъ. Переселенцы плыли на пароходахъ, сплавомъ на плотахъ и баржахъ большими партіями; всего ихъ прибыло свыше 5000 душъ.

Въ этомъ году Приамурью нанесенъ былъ новый ударъ, явившійся слѣдствіемъ **начатой** политики игнорированія интересовъ этой окраины. Введено было таможенное обложеніе ввозимыхъ въ край иностранныхъ товаровъ и повсюду учреждены



ИНЖЕНЕРЪ-ГЕНЕРАЛЪ

Павелъ Федоровичъ

Унтербергеръ.

были заставы и таможни. Это мѣропріятіе гибельно отразилось на жизни неокрѣпшаго края, вызвало торговый кризисъ и внесло новое потрясеніе.

Немало тревогъ и заботъ причинило и нападеніе китайцевъ на Благовѣщенскъ и бомбардировка его съ 1 іюля вплоть до 20. Нападеніе это, явившееся отголоскомъ усмиренія возстанія боксеровъ, надо было понимать, какъ протестъ противъ захвата русскими Маньчжуріи, но, легко отбитое горстью солдатъ, оно было скоро забыто. Маньчжуры, жившіе близъ Благовѣщенска со временъ Муравьева, были изгнаны, а на земляхъ ихъ поселены были впослѣдствіи кубанскіе казаки.

Въ 1901 году въ Приамурье командированъ былъ съ цѣлью опредѣленія колонизаціонной вмѣстимости г. Кауфманъ и основаны были въ обѣихъ областяхъ межевыя партіи для заготовленія переселенческихъ участковъ, проявившія очень энергичную дѣятельность и сразу внесшія въ дѣло колонизаціи систему и порядокъ тѣмъ, что направили переселенческія волны прямо на дѣйствительно пригодные участки. Въ Благовѣщенскѣ состоялись первые курсы и съѣздъ учителей церковно-приходскихъ школъ, закончившіеся съ весьма удовлетворительными результатамм.

Въ 1902 году учреждена была Владивостокская биржа, окончательно введено широкое свободное обращеніе золота, какъ товара, и учреждены въ Благовѣщенскѣ и Николаевскѣ золотосплавочныя лабораторіи, на необходимость которыхъ указывалось еще на хабаровскихъ съѣздахъ. Кромѣ того, введены были крестьянскіе начальники, очень холодно встрѣченные населеніемъ. Съ цѣлью упорядочить переселеніе введена была обязательная предварительная посылка ходоковъ, перевозившихся по очень удешевленному тарифу. Въ этомъ же году край посѣтила и унесла много жертвъ новая эпидемія холеры.

Чѣмъ ближе приближаемся къ текущему моменту, тѣмъ труднѣе становится наша задача. Грандіозныя событія послѣдняго времени 1904, 1905 и

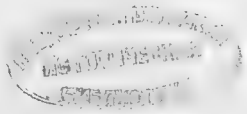
1906 годовъ еще такъ свѣжи, что услѣдить за ними, разобраться въ нихъ, выдѣлить главное отъ второстепеннаго—не легко. Да и больно шевелить еще не зажившія раны. Вслѣдствіе этого, а также и по недостатку мѣста, ограничимся перечисленіемъ лишь самыхъ крупныхъ знаменательныхъ явленій.

1903 годъ былъ годомъ наивысшаго напряженія нашей дѣятельности въ Маньчжуріи и забвенія Приамурья. Въ сентябрѣ, вскорѣ послѣ четвертаго хабаровскаго съѣзда, созваннаго новымъ Приамурскимъ генералъ-губернаторомъ Суботичемъ, учреждено было дальневосточное намѣстничество, но уже 28 января 1904 года разразилась несчастная русско-японская война, сопровождавшаяся бомбардировкой Владивостока, нападеніемъ и взятіемъ южнаго Сахалина и отбитіемъ нападенія японцевъ на Камчатку. Край, изнуренный предшествовавшими событіями и мѣропріятіями, явно клонившимися въ ущербъ ему, вынесъ, однако, на себѣ удары войны. Въ лицѣ уссурійскаго и амурскаго казачества и призванныхъ изъ запаса горожанъ, крестьянъ и рабочихъ, онъ первый послалъ на поле битвы своихъ сыновъ, а потомъ, въ теченіе долгой войны, отрѣзанный отъ путей сообщенія, отъ рынковъ, лишенный многихъ предметовъ продовольствія, онъ пережилъ угнетенное состояніе, но въ то же время снабжалъ армію и хлѣбомъ, и рыбой, и овощами, и строительнымъ матеріаломъ, и, вообще, чѣмъ только могъ. Тяжелыя событія 1905 и 1906 годовъ, всколыхнувшія всю страну, не остались безъ отголоска въ далекомъ Приамурьи, но все это такъ свѣжо у всѣхъ въ памяти, что едва ли нуждается въ напоминаніи.

Россія горько поплатилась за роковую ошибку своей политики, предпочевшей старое Приамурье новому Квантуну и Дальнему, и наученная опытомъ, подтвердившимъ, что старый другъ лучше новыхъ двухъ, тотчасъ послѣ заключенія мира, обратила на нашу окраину усиленное вниманіе. Историческая сила событій вернула насъ снова къ тому же положе-

нію, въ какомъ находилась она десять лѣтъ назадъ— къ необходимости благоустроить, укрѣпить и преобразовать Приамурскій край и связать его съ центромъ русской желѣзной дорогой на собственной территоріи. За это дѣло взялись теперь общими силами и правительство. и обѣ наши новыя законодательныя палаты. Въ жизни края начинается новая эпоха, обѣщающая грандіозныя перспективы, въ его исторіи пишется сейчасъ новая великая страница. Остановимся же на этомъ, чтобы прочесть ее тогда, когда она будетъ написана.

К. К. Куртеевъ.



5p